

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

ВЫПУСК 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2022

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

МАКСИМЦЕВ И.А. – доктор экономических наук, профессор, ректор СПбГЭУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

БАЕВ В.Г. – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Юридического института Тамбовского государственного технического университета, почетный работник высшего профессионального образования

БЕРНАЦКИЙ Г.Г. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права СПбГЭУ

ИДРЫШЕВА С.К. – доктор юридических наук, профессор Департамента частного права ВШП АО «Университет КАЗГЮУ имени М.С. Нарикбаева»

КАМЕНКОВ В.С. – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь, Белорусский государственный университет

НОВИКОВ А.Б. – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и административного права СПбГЭУ

РОГАЧЕВСКИЙ А.Л. – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского и корпоративного права СПбГЭУ

РОМАНОВА Л.И., доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета

РЫБКИНА М.В. – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского и корпоративного права

ТЮНИН В.И. – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса СПбГЭУ

ФОМИН А.А. – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права СПбГЭУ

ХЛЕБУШКИН А.Г. – доктор юридических наук, заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса

ШЕСТАКОВ Д.А. – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба

ШТАЙНИНГЕР АНДРЕАС – доктор, профессор, Восточный Институт Висмар-Байтен Бурхардт Рехтсанвельте, Германия.

АРИОЛЛИ ДЖОВАННИ – судья Второй уголовной секции, президент налоговой комиссии, профессор Высшей школы судебной власти во Флоренции, профессор Специализированной школы юридических профессий, университет Сапиенца в Риме, Италия

АНТИНУЧЧИ МАРИО – профессор, школа юридических профессий, профессор Специализированной школы юридических профессий, университет Сапиенца в Риме, Италия

SAMUEL D. BERNAL – PhD, MD, MBA, JD, LL.M professor of Adjunct Faculty of Asian institute of management

JÖRG E. WILHELM – Senator h.c. Prof. Dr. iur., Lawyer and President of Supervisory Board

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

КРАЙНОВА Н.А. – кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета СПбГЭУ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

НАЗАРОВ А.П. – ассистент кафедры конституционного и административного права, заместитель декана по учебной работе

Первый выпуск журнала «Ученые записки» Института права Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов вышел в 1999 г., до 2004 г. было опубликовано 10 выпусков журнала. В июне 2004 г. журнал зарегистрирован как средство массовой информации под названием «Ученые записки юридического факультета». В журнале печатаются работы, посвященные теоретическим исследованиям в различных отраслях права и анализу юридической практики.

Подписной индекс по каталогу агентства «Роспечать» — **46705.**

Учредитель издания — федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный экономический университет».

Свидетельство о регистрации средства массовой информации — **ПИ № ФС77-57278.**

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Крайнова Н.А.</i> V Международная научно-практическая конференция «Право и современная экономика: опыт и будущее» как современная площадка для обсуждения актуальных вопросов и выработки оптимальных решений	4
--	---

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Голоскоков Л.В.</i> Право vs экономика: кто кого регулирует?	12
<i>Антонова Е.Ю.</i> Новые формы преступной деятельности в условиях цифровизации.....	18
<i>Жуковская И.Е.</i> Законодательные основы и пути применения цифровых технологий в экономике.	24
<i>Мишальченко Ю.И., Конева А.С.</i> Международно-правовые аспекты кодификации норм экологического права.....	28
<i>Жуковский А.Д.</i> Высокотехнологичные компании – современный инструмент социально-экономического развития регионов России	33
<i>Хашимходжаев И.Ш., Пилипенко Е.В.</i> Информационная безопасность – важный фактор эффективного развития экономических объектов в условиях цифровой трансформации...	38
<i>Нелюбина Ю.А., Мишальченко Ю.В.</i> Сопряжение евразийского экономического союза и китайской инициативы «один пояс, один путь» (международные правовые и экономические аспекты)	42

РАЗДЕЛ 2. ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

<i>Лопашенко Н.А.</i> Уголовно-правовая охрана экономики в России: реалии и тенденции последних лет	49
<i>Делегиоз Е.Г.</i> Некоторые особенности оказания правовой помощи трудовым мигрантам неправительственными организациями в современных условиях	56
<i>Кравченко Н.А.</i> Публичная ответственность налоговых органов в контексте защиты прав налогоплательщиков.....	61
<i>Новиков А.Б., Маркова А.В.</i> Правовое регулирование внешнеторгового оборота энергоресурсов ..	66

РАЗДЕЛ 3. ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Mario Antinucci.</i> Guarantees for the defence of the accused in the European fair trial: international judicial cooperation	71
--	----

УДК 343

Надежда Александровна Крайнова

Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Главный редактор журнала «Ученые записки юридического факультета СПбГЭУ»

**V МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ПРАВО И СОВРЕМЕННАЯ ЭКОНОМИКА: ОПЫТ И БУДУЩЕЕ»
КАК СОВРЕМЕННАЯ ПЛОЩАДКА ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ
АКТУАЛЬНЫХ ВОПРОСОВ И ВЫРАБОТКИ ОПТИМАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ**

Аннотация. Настоящая статья представляет собой обзор конференций «Право и современная экономика», организованных и проведенных Юридическим факультетом Санкт-Петербургского государственного экономического университета. В работе анализируется опыт и значение обсуждения ключевых аспектов актуальной экономической повестки, выработки оптимальных решений, способствующих эффективному правовому регулированию современных экономических отношений. Представлена ретроспектива уже проведенных конференций.

Актуальность такого рода обсуждений еще более обостряется в условиях стрессового развития общества, очевидного изменения уклада сложившихся экономических, социальных и иных отношений, необходимости поиска баланса в стремительно меняющемся мире. На данный момент это практически единственная площадка, где экономисты и юристы могут встретиться, обсудить в моменте деловую повестку и в формате постоянного диалога найти оптимальные пути решения.

Ключевые слова: право, экономика, правовое регулирование, экономические отношения, дискуссии, обсуждения.

Nadezhda A. Krainova

St. Petersburg State University of Economics
Editor-in-Chief of the magazine

«Scientific notes of the Faculty of Law of St. Petersburg State University»

**V INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE
“LAW AND MODERN ECONOMICS: EXPERIENCE AND THE FUTURE”
AS A MODERN PLATFORM FOR DISCUSSING TOPICAL ISSUES
AND DEVELOPING OPTIMAL SOLUTIONS**

Abstract. This article is an overview of the conferences “Law and Modern Economics” organized and conducted by the Faculty of Law of St. Petersburg State University of Economics. The paper analyzes the experience and importance of discussing key aspects of the current economic agenda, developing optimal solutions that contribute to the effective legal regulation of modern economic relations. A retrospective of already held conferences is presented.

The relevance of such discussions is even more acute in the context of the stressful development of society, the obvious change in the way of existing economic, social and other relations, the need to find a balance in a rapidly changing world. At the moment, this is practically the only platform where economists and lawyers can meet, discuss the business agenda at the moment and find optimal solutions in the format of a permanent dialogue.

Keywords: law, economics, legal regulation, economic relations, discussions, discussions.

Введение. 7 апреля 2022 года в стенах Санкт-Петербургского государственного экономического университета состоялась V Международная научно-практическая конференция Юридического факуль-

тета СПбГЭУ «Право и современная экономика: опыт и будущее», в ходе которой обсуждались актуальные экономические и правовые вопросы текущей ситуации в России и в мировом масштабе.

Ежегодно в апреле месяце вот уже в пятый раз конференция собирает профессиональное сообщество юристов и экономистов для того, чтобы обсудить самые современные и востребованные вопросы правового регулирования экономики в текущих условиях, новые стратегические направления экономического роста страны, драйверы достижения экономических успехов в изменяющейся реальности. В этот раз такая встреча была актуальна как никогда. Специалисты-практики, ученые, представители государственных органов собрались в исторически значимый момент, в непростых геополитических условиях, когда от каждого участника зависит дальнейшее развитие нашей страны, ее перспективы в условиях изменяющейся реальности, обеспечения мировой стабильности и благополучия, сохранение наших традиций, использование накопленного опыта в целях нашего позитивного будущего, новых прорывных решений, достижений и побед.

Правовая и экономическая реальность меняется, и заинтересованным участникам, конечно, есть что обсудить и что предложить. Санкт-Петербургский государственный экономический университет, занимающий ведущие позиции в сфере экономического образования, выступает современной площадкой для обсуждения различных позиций, точек зрения, выработки эффективных решений, в реализации которых всегда есть потребность. Объединение «за одним столом» представителей экономики и правовой сферы позволяет сделать такое взаимодействие не только интересным и плодотворным, но и максимально эффективным, так как создает возможность слышать друг друга и приходиться к оптимальным совместным решениям.

МНПК «Право и современная экономика» в ретроспективе

Идея проведения конференции, которая объединила бы на одной площадке представителей широкого спектра отраслевой юридической принадлежности и специалистов в сфере экономики, родилась в 2017 году. Первая Международная научно-практическая конференция «Право и современная экономика» состоялась 5 апреля 2018 года, итоги данной конференции продемонстрировали состоятельность такой идеи и целесообразность продолжения дискуссий в формате конференций.

Конференция проводилась при поддержке Управления Федеральной антимонопольной службы по Ленинградской области, Университета Ла Сапиенца г. Рима. В пленарном заседании выступили представители иностранного бизнеса, которые рассказали о том, какие существуют юридические нюансы организации и ведения бизнеса в России, отметили положительные и отрицательные стороны процессов взаимодействия. Дениэл Рехман, директор «Russia Contact» и Адриан Терри, коммерческий директор «Wolf Formulations Limited», посетовали о сложности для их восприятия российской правовой системы, акцентировали внимание на значимости конвергенции правовых систем, необходимости международно-правовой подготовки будущего поколения молодых юристов. Работа конференции продолжилась в пяти секциях – теории и истории государства и права, гражданского и корпоративного права, конституционного и административного права, финансового права, уголовного права и уголовного процесса, предпринимательского и энергетического права.

Вторая научно-практическая конференция с международным участием «Право и современная экономика: новые вызовы и перспективы» состоялась 9 апреля 2019 года. Конференция была поддержана Университетом Ла Сапиенца (г. Рим, Италия), Ассоциацией юристов Норвегии (г. Осло, Норвегия), АБ «Качкин и партнеры», Петербургским международным юридическим форумом (ПМЮФ).

В Конференции приняли участие ведущие научные работники и преподаватели российских вузов, известные специалисты в области права, представители органов государственной власти, практикующие юристы и экономисты. В пленарном заседании выступили *Белов Сергей*, декан Юридического факультета СПбГУ, с докладом «Баланс интересов при конституционно-правовой оценке административных барьеров в экономике»; *Штайнингер Андреас*, профессор университета г. Висмара (Hochschule Wismar), доктор наук, с докладом «Сотрудничество между Германией и Россией в сфере юридического образования»; *Комаров Владимир*, управляющий партнер юридической фирмы «Legal Studio», с докладом «Перспективы вексельного обращения в цифровой экономике»; *Коркин Александр*, юрист, руководитель практики трудового права «Бейкер и Макензи – Си-Ай-Эс, Лимитед», к.ю.н. с докладом «Ответственность бизнеса за коррупционные нарушения: тенденции регулирования, международная и российская практика»; *Архитов Владислав*, советник юридической фирмы Dentons СПб, к.ю.н., доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права СПбГУ с докладом «Виртуальная и дополненная реальность в контексте проблем толкования и применения права»;

Горулев Денис, директор Института цифровой экономики СПбГЭУ, доцент с докладом «Конфликт интересов права и экономики в точке бифуркации, порождаемой переходом в цифровую экономику».

Работа конференции продолжилась в ставших уже традиционными секциях, к числу которых добавилась секция обучающихся под руководством руководителя Центра креативных проектов Юридического факультета СПбГЭУ, к.ю.н., доцента Абрамовой Е.Н.

Третья научно-практическая конференция с международным участием «Право и современная экономика: новые вызовы и перспективы» в связи с пандемическими ограничениями была проведена в заочном формате для состоявшихся специалистов и в дистанционном с использованием ресурсов платформы Pruffme* в формате секции молодых ученых. В режиме видеоконференции под руководством декана Юридического факультета СПбГЭУ, к.ю.н., доцента Крайновой Н.А. и руководителя Центра креативных проектов ЮФ СПбГЭУ, доцента кафедры гражданского и корпоративного права. и.о. заведующего кафедрой предпринимательского и энергетического права, к.ю.н., доцента Абрамовой Е.Н. выступили обучающиеся Юридического факультета, института магистратуры СПбГЭУ и студенты Университета Ла Сапиенца (г. Рим, Италия). По итогам работы Конференции был опубликован сборник трудов, куда вошли результаты научных изысканий специалистов в области права и экономики, которые не смогли ввиду ограничений выступить с докладом и принять участие в дискуссии, но предоставили свои труды для публикации.

* <https://pruffme.com>

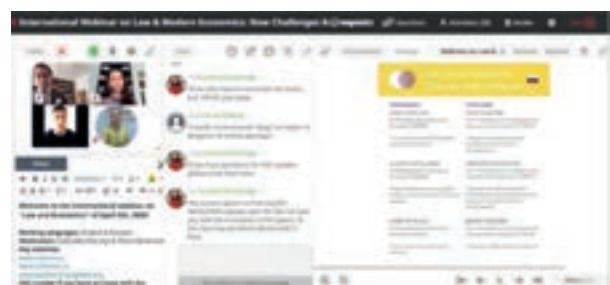
В ходе работы секции молодых ученых конференции участники обсудили актуальные вопросы правового регулирования в условиях пандемии COVID-19, общие для наших стран проблемы и открывающиеся перспективы. В этот непростой для всего мира, но особенно сложный для Италии момент именно Россия оказала помощь дружественному народу Италии. Врачи и гуманитарные грузы с медикаментами из России прибыли в Италию, где вместе с итальянскими коллегами русские врачи оказывали помощь нуждающимся в ней больным людям. Такое международное сотрудничество и взаимопонимание во благо будущего развития трудно переоценить.

Четвертая международная научно-практическая конференция «Право и современная экономика: новые вызовы и перспективы в условиях пандемии» состоялась в СПбГЭУ в смешанном формате. Санитарно-эпидемиологические условия позволили провести ее с очным участием некоторых спикеров. В то же время аудитория дистанционных участников превысила 200 человек. С приветственным словом к собравшимся обратились ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, д.э.н., профессор И.А.Максимцев и Вильфрид Бергманн, член ученого совета Европейской академии наук и искусств, руководитель рабочей группы «Наука и образование» Форума «Петербургский диалог» с германской стороны. Партнерами Конференции выступили Юридическая фирма GRATA International SPb, LF Академия, SIRIUS GLOBAL – Academic Diplomacy 4.0, School for Law Professions Sapienza University of Rome.

В пленарном заседании приняли участие Марио Антинуччи, профессор Школы юридических профессий Университета Ла Сапиенца в г. Риме (Италия) с докладом «Право и экономика в контексте новой чрезвычайной ситуации пандемии: приоритетная роль международного научного сотрудничества для стратегической многосторонности»; Аверченко Николай, старший вице-президент по правовым и административным вопросам фонда «Сколково», к.ю.н. (Москва, Россия), с докладом «Роботы: на пути от правообъектности к правосубъектности»; Коробеев Александр, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Юридической школы

ДВФУ заслуженный деятель науки Российской Федерации, д.ю.н., профессор (г. Владивосток, Россия), с докладом «Беспилотные транспортные средства в поле зрения уголовного права»; Eduardo Garcia, EMEA Managing Director, Soriano Group & Family Office, professor at Universidad San Pablo CEU, Vatel Business School, CEF (Мадрид, Испания), с докладом «Финтех: тренды в современной экономике»; Хвощинский Александр, соучредитель и партнер консалтинговой компании «Лигал СтратЭйдженси», LL.M, (Берлин, Германия) с докладом «Первые уроки пандемии для свободных юридических профессий»; Белов Сергей, декан Юридического факультета СПбГУ, заведующий кафедрой конституционного права СПбГУ, к.ю.н., доцент с докладом «Чем право может помочь экономике в новой пост-ковидной реальности?»; Ермоленко Александр, партнер ЮФ ФБК Legal, заведующий кафедрой практической юриспруденции МГЮА, (Москва, Россия), к.ю.н. с докладом «Конституционные права: COVID, новая реальность»; Штайнингер Андреас,

профессор университета г. Висмара (Hochschule Wismar), доктор наук (Висмар, Германия) с докладом «Пандемия как ускоритель новых технологий? Юридические науки, юридические консультации и искусственный интеллект»; Василькова Светлана, директор научно-исследовательского центра сравнительного правоведения и стратегических инициатив развития национального топливно-энергетического комплекса СПбГЭУ, доцент кафедры предпринимательского и энергетического права СПбГЭУ, к.ю.н. с докладом «Особенности управления и договорно-правового регулирования субъектов инфраструктуры Северного морского пути»; Калугина Яна, заместитель декана факультета экономики и финансов СПбГЭУ, старший преподаватель кафедры банков, финансовых рынков и страхования, к.э.н. с докладом «Поддержка малого бизнеса в новой эпохе через призму банков: иллюзия или реальность?»; Габриелла Марчеля, президент SIRIUS GLOBAL – Academic Diplomacy 4.0 и International Medical Community (IMC) с докладом «Паспорта вакцинации в ЕС» (Рим, Италия).

Конференция уже в четвертый раз собрала в гостеприимных стенах Санкт-Петербургского государственного экономического университета участников из разных городов России и разных стран для того, чтобы обсудить актуальные вопросы взаимодействия экономики и права. Очень символичным является то, что точкой притяжения для всех является Университет, сочетающий лучшие традиции экономического образования и инновационные подходы к их реализации, классику и новые технологии. Открывая рабочую часть пленарного заседания конференции, я отметила, что, находясь в историческом кор-

пусе Государственного банка Российской империи в высокотехнологичном конференц-зале ПАО Газпром, приветствуя наших уважаемых коллег из 8 городов мира, 2 континентов, разных часовых поясов, особенно ощущаешь ту скорость, с которой развивается технологический прогресс и важность этого развития.

События 2020 года проходили под знаком пандемии Covid-19, которая повлияла на все сферы общественных отношений. Где-то это влияние было негативным, нейтральным, а в чем-то даже стимулировало дальнейшее развитие. Во многом мы жили в условиях форс-мажора, но сейчас мы все понимаем, что мир столкнулся с необходимостью жить в этой новой реальности: нам необходимо общение, нам нужен обмен опытом. Для участия в конференции мы пригласили экспертов в различных областях права и экономики, для того чтобы услышать их мнение относительно произошедших за текущий год изменений, обсудить волнующие проблемы, попробовать ответить на возникающие вопросы, найти точки соприкосновения.

Работа конференции продолжилась в секционном формате. По итогам конференции был издан сборник научных трудов.

7 апреля 2022 г. Санкт-Петербургский государственный экономический университет провел V Международную научно-практическую Конференцию «Право и современная экономика: опыт и будущее». Партнерами Конференции выступили Ассоциация выпускников СПбГЭУ, SIRIUS GLOBAL – Academic Diplomacy 4.0, School for Law Professions Sapienza University of Rome, Юридическая фирма GRATA International SPb, Адвокатское бюро Urals Legal. С привет-

ственными словами к присутствующим обратились ректор СПбГЭУ, д.э.н., профессор Максимцев И.А., судья Суда Евразийского экономического Союза Федорцов А.А., который также выступил с докладом на тему «Роль и место права интеграционных объединений в регулировании и развитии экономических отношений». Приветствие для участников Конференции записали коллеги из Италии – генеральный директор RamMobility Паоло Мелотти и Инна Будыльская заместитель генерального директора RamMobility (Гаттико, Италия).

В мероприятии приняли участие представители государственных органов, научного сообщества, практикующие юристы и экономисты из Италии, Германии, Беларуси, Узбекистана и других стран. География участников из России была представлена коллегами из Владивостока. Красноярска, Саратова, Москвы и др. С докладами в пленарном заседании выступили ведущие специалисты в области разных отраслей юриспруденции и экономики – Марио Антинуччи, профессор, School for Law Professions, Sapienza University (Рим, Италия); Лопашенко Наталья Александровна, профессор Саратовской государственной юридической академии, Заслуженный юрист РФ, лауреат Национальной премии по литературе в области права, д.ю.н., профессор., (Саратов, Россия); Белов Сергей Александрович, декан Юридического факультета, заведующий кафедрой конституционного права СПбГУ, к.ю.н., доцент (Санкт-Петербург, Россия), Антонова Елена Юрьевна, декан юридического факультета Дальневосточного юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, д.ю.н., профессор (Владивосток, Россия); Марчеля Габриелла, президент SIRIUS GLOBAL – Academic Diplomacy

4.0 и International Medical Community (ИМС) (Рим, Италия); Дятлов Сергей Алексеевич, академик РАЕН, член экспертного Совета по экономике при Межпарламентской Ассамблее СНГ, профессор СПбГЭУ, д.э.н., профессор (Санкт-Петербург, Россия); Хашимходжаев Шарафутдин Ишанходжаевич – доцент кафедры цифровой экономики и информационных технологий Ташкентского государственного экономического университета, к.э.н., доцент (Ташкент, Узбекистан); Жуковский Андрей Дмитриевич, ассистент Департамента менеджмента и инноваций факультета «Высшая школа управления» Финансового университета при Правительстве РФ. (Москва, Россия); Безруков Анатолий Михайлович, партнер адвокатского бюро Urals Legal, адвокат, к.ю.н. (Екатеринбург, Россия); Титаев Кирилл Дмитриевич – директор по исследованиям Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, к.соц.н.; Комаров Владимир Николаевич – управляющий партнер GRATA International SPb (Санкт-Петербург, Россия).

В ходе Конференции участники поделились мнениями, обсудили в рамках научно-практического взаимодействия актуальные вопросы правового регулирования экономики с учетом накопленного опыта и будущих возможностей эффективного взаимодействия в условиях цифровой трансформации и новой геополитической реальности. В этом году научно-практическое общение было особенно востребованным. В условиях изменяющейся геополитической реальности новые прорывные решения необходимы для обеспечения стабильного функционирования и развития российской экономики, ее международного позиционирования.

Заключение. Анализ опыта проведения в стенах Санкт-Петербургского государственного экономического Университета международных научно-практических конференций «Право и современная экономика» позволяет убедиться в перспективности продолжения встреч в таком формате. Научное и практическое общение на одной площадке юристов и экономистов позволяет обсудить самые разнообразные вопросы, найти решения, которые будут полезными не только для продолжения научных изысканий, но и для совершенствования нормативно-правовой базы, использования в сфере реального сектора экономики.

Огромная заслуга в успешности реализации проекта конференций «Право и современная экономика» в СПбГЭУ принадлежит руководству Университета в лице ректора, д.э.н., профессора И.А. Максимцева, который поддерживает развитие юридического образования и правовой науки в экономическом университете, осознавая важность и синергетический эффект такого взаимодействия.

По итогам проведенной V конференции опубликован сборник статей участников. По традиции один из выпусков журнала «Ученые записки юридического факультета СПбГЭУ» мы посвящаем конференции. В данном выпуске, представленном вниманию искушенного читателя, опубликованы труды участников пленарного заседания, а также заслуживающие осмысления материалы секционных заседаний.

На данный момент можно, пожалуй, с уверенностью констатировать, что Международная научно-практическая конференция «Право и современная экономика» стала визитной карточкой Юридического факультета СПбГЭУ, будучи открытой площадкой для научно-практического взаимодействия юристов и экономистов. Мы продолжим традиции проведения данных конференций ежегодно в апреле. С информацией о прошедших и предстоящих конференциях можно ознакомиться на сайте СПбГЭУ по адресу: <https://unecon.ru/page/mezhdunarodnaya-nauchno-prakticheskaya-konferenciya-pravo-i-sovremennaya-ekonomika-novye-vyzovy>.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

КРАЙНОВА Надежда Александровна – декан юридического факультета СПбГЭУ, член совета Санкт-Петербургского Международного криминологического клуба, член Общественного совета при УФАС Ленинградской области, кандидат юридических наук, доцент. Контакты: 191023, Санкт-Петербург, улица 7-я Красноармейская, д. 6/8, (812) 458–97–65, доб. 3839, kraynova.n@unecon.ru.

AUTHOR

KRAINOVA Nadezhda A. – Dean of the Faculty of Law of St. Petersburg State University, member of the Council of the St. Petersburg International Criminological Club, member of the Public Council of the Leningrad Region UFAS, Candidate of Law, Associate Professor. Contacts: 6/8 7th Krasnoarmeyskaya Street, St. Petersburg, 191023, (812) 458–97–65, ext. 3839, kraynova.n@unecon.ru.

Дата поступления статьи в редакцию: 29.04.2022 г.

Раздел 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 343

Леонид Викторович Голоскоков

Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации, Москва

ПРАВО VS ЭКОНОМИКА: КТО КОГО РЕГУЛИРУЕТ

Аннотация. В научной работе анализируется современный аспект взаимовлияния права и экономики. Автор на основе конкретных практических примеров демонстрирует как право может влиять на экономические отношения, но и показывает примеры обратного. Право является только одним из факторов, влияющих на экономику. И не всегда это влияние является определяющим, доминирующим и позволяет говорить, что право выступает регулятором экономики. Экономический интерес часто оказывается более влиятельным фактором, чем право, при этом экономический интерес такого рода имеет по своей сути преступный характер, но формально таковым в уголовном праве не является в связи с отсутствием соответствующих статей в УК РФ.

В статье делается вывод о необходимости формулирования государством глобальных целей. Отмечается, что юристам, законодателю предстоит большая работа по достижению понимания того, какими средствами нужно добиваться законодательной деятельности и превращения права в универсальный инструмент регулирования, направленный на достижение благих целей.

Ключевые слова: право, экономика, правовое регулирование, уголовно-правовая охрана экономики, правотворчество.

Leonid V. Goloskokov

Moscow Academy of the Investigative Committee
Russian Federation, Moscow

LAW VS ECONOMICS: WHO REGULATES WHOM

Abstract. The scientific work analyzes the modern aspect of the mutual influence of law and economics. Based on concrete practical examples, the author demonstrates how law can influence economic relations, but also shows examples of the opposite. Law is only one of the factors affecting the economy. And this influence is not always decisive, dominant and allows us to say that the law acts as a regulator of the economy. Economic interest often turns out to be a more influential factor than law, while economic interest of this kind is inherently criminal in nature, but formally it is not such in criminal law due to the absence of relevant articles in the Criminal Code of the Russian Federation. The article concludes that it is necessary for the state to formulate global goals. It is noted that lawyers and legislators have a lot of work to do to achieve an understanding of what means should be used to achieve legislative activity and the transformation of law into a universal regulatory instrument aimed at achieving good goals.

Keywords: law, economics, legal regulation, criminal law protection of the economy, law-making.

Введение. Юристы всегда были в полной уверенности, что именно их инструмент, право, является главным регулятором всех общественных отношений, включая все процессы в сфере экономики, финансов, налогов.

Действительно, в постсоветской России во всех этих трёх сферах появился огромный массив законодательства, который чрезвычайно детально регулирует всю экономическую и финансовую сферу. Рассматривая эту ситуацию лишь в теку-

щем моменте, через призму огромного массива законодательства, можно увидеть доминирующую роль права в регулировании и сделать очевидный вывод: да, именно право регулирует все общественные отношения, и иначе быть не может. Однако не всё так просто и ясно.

Постановка проблемы: практические вопросы взаимовлияния права и экономики в историческом и современном контексте

Вернёмся в недавнее прошлое, но после того, как констатируем, что российская налоговая служба неоднократно заявляла, что всё лучше и лучше собирает налоги, и скоро будет собирать их почти полностью. Отметим путь, который нужно было пройти для того, что констатировать данный факт: была создана налоговая служба, потом налоговая полиция, потом полиция ушла, а налоговая служба укрепилась, возник огромный пласт налогового законодательства, появилась колоссальных размеров судебная практика (уголовная и арбитражная). Теперь заметим, что в советский период не было такой многочисленной налоговой службы, не было налоговой полиции, а налоги собирались, и информации о массовых уклонениях от уплаты налогов, как в российский период, не было. Не было и электронной сети налоговой службы, которая теперь покрывает практически всё, что можно, не было и электронных денег, которые теперь легко контролировать. Само финансовое право в то время было достаточно компактным, а налогового права в том его огромном массиве законодательства, как сейчас, не было вообще. И надо же, такое компактное законодательство без всяких компьютеров как-то работало в стране, где было в разы больше заводов и фабрик, колхозов и совхозов, а площадь страны была намного больше.

Отсюда возникает вопрос о цене всех этих действий за тридцать лет, а цену нужно соотносить с достигнутым эффектом. Это цена регулирования экономики с помощью главного инструмента юристов – права. При этом мы, конечно, никаких вычислений цены делать не будем, так как здесь возможны десятки разных подходов и методик, да и смысла в точности выкладок нет, достаточно качественной оценки общей картины. Общая картина должна быть дополнена теперь главным – ради чего произведены все эти многочисленные

действия, усилия, потрачено время, деньги, иные ресурсы, в результате чего созданы огромные пласты законодательства. Можно ли установить конечную цель регулирования правом всей экономической сферы?

Да, можно, по двум критериям: 1) стало ли лучше от этого народу; 2) куда ушли основные деньги. Смысловую связку двух этих критериев в одной короткой и гениальной фразе сделал юрист – Фредерик Робинсон (1799–1867?), адвокат, журналист, лидер массачусетской демократической партии США: «Условия народа никогда не остаются постоянными. Если они не улучшаются, то погружают его всё глубже и глубже в рабство» [1. Р.538]. А условия формируются, как полагают юристы, именно правовыми средствами, которые и задают основные направления жизни всему на свете, включая экономику.

Первый критерий очевиден – лучше народу не стало, возникший за тридцать лет средний класс России быстро убывает, и есть явная тенденция его полного исчезновения в ближайшее время.

Второй критерий тоже хорошо известен экономистам (куда ушли деньги). Данные по оттоку капитала известны, в частности, они размещены и на сайте Банка России. Экономисты дают по ним свою оценку, которая находится где-то в диапазоне 1–3 триллиона долларов США за период в 30 лет. Разумеется, такой масштаб оттока капитала улучшить жизнь народа никак не мог. И только при обстоятельствах форсмажора п.п. «б» п. 3 Указа Президента РФ от 28.02.2022 № 79 запретил «зачисление резидентами иностранной валюты на свои счета (вклады), открытые в расположенных за пределами территории Российской Федерации банках и иных организациях финансового рынка, а также осуществление переводов денежных средств без открытия банковского счёта с использованием электронных средств платежа, предоставленных иностранными поставщиками платежных услуг» [2].

Этот запрет может рассматриваться как очень эффективный инструмент мгновенного регулирования средствами права состояния экономики и финансов в текущий момент, но дело в том, что произошло это только с 28.02.2022. До этой даты такого регулирующего инструмента не было, и капиталы свободно уходили за рубеж. Значит,

отсутствие всякого регулирования со стороны права означало, что нормы права нет, а есть действие – вывоз (отток) капитала и это действие, экономическое по своей природе (капитал уходит туда, где ему выгоднее и безопаснее), фактически регулировало всю экономику страны, причём очень сильно – когда Россия десятилетиями искала инвестиции за рубежом и в это же время выводила капиталы в те страны, откуда ждала инвестиций, а сегодня все эти страны вдруг оказались военными противниками, перекрыли санкциями каналы взаимоотношений в области финансов и экономики и заморозили половину золотовалютных резервов страны, находящихся в странах наших «партнёров».

Таким образом, оказалось, что отсутствие всяких норм права в данной сфере играло существенно большую роль, чем наличие огромного числа норм права в финансовой и налоговой сферах. Чисто количественно в сравнении с одной финансовой сферой это выглядит так. С.С. Бурнин пишет: «Сумма ущерба по оконченным и приостановленным уголовным делам о налоговых преступлениях за 2019 г. составила 85 242 710 тыс. руб.» [3. С. 6]. В последние пять лет примерно такая сумма имеет место каждый год, и это в той сфере, которая регулируется нормами права.

О сфере, которая оказалась не регулируемой нормами права, А.Г. Аганбегян пишет, что «с 2008 года, начался огромный отток капитала из России. Иностранцы фирмы, удельный вес которых в экономике России составлял около 10–15%, стали выводить свои активы из нашей страны, поскольку кризис был глубоким и их материнские компании, расположенные в Германии, США и других странах, нуждались в деньгах. Многие российские предприниматели, столкнувшись с трудностями инвестирования средств внутри нашей страны и, опасаясь за безопасность своего капитала, тоже стали переводить значительную часть средств в офшоры и на счета в зарубежных банках, где у россиян, по оценкам, к настоящему времени скопилось около 1 трлн. долларов, в том числе 0,4 трлн. в офшорах. В 2008 году из России ушло на 133 млрд. долларов средств больше, чем пришло. Для сравнения: в 2006 году, до кризиса, приток капиталов в Россию превышал их вывоз на 43 млрд. долла-

ров, а в 2007 году, накануне кризиса, в нашу страну пришло 82 млрд. долларов плюсом. В 2011 году тоже наблюдался большой «провал» – минус 80 млрд. долларов, потому что это был год перед выборами Президента РФ: была некоторая неясность, и люди перестраховывались, выводя средства из страны. Самый крупный отток был при введении санкций – 151,5 млрд. долларов в 2014 г. Нынешний 2020 г. стал тринадцатым годом оттока капитала из России» [4. С. 20–21]. Так всё происходило до выхода Указа Президента РФ от 28.02.2022 № 79.

Отсутствие регулирования (в данном случае – запрета на вывоз капитала) оказало существенно большее влияние на экономику, чем, например, наличие запретов (налоговые статьи УК РФ). В двух сравниваемых сферах разница составляет 1–2 порядка. И только Указ Президента РФ от 28.02.2022 № 79 изменил ситуацию полностью.

Таким образом, цифры показывают, что фактическое отсутствие регулирования в деле вывоза (оттока) капитала приводило к негативным последствиям в экономике на 1–2 порядка большим, чем те позитивные усилия государства в сфере, которая была детально зарегулирована и в которой государство пыталось наполнить казну налогами за счёт деятельности правоохранительных органов. Значит, сложившийся без норм права сектор экономики и финансов был значительно более влиятельным на всё состояние дел в государстве, чем множество других секторов экономики, детальнейшим образом зарегулированных нормами права.

Конечно, отсутствие регулирования в рассматриваемой сфере только кажется случайным и оставшимся без регулирования по недосмотру, недомыслию или забывчивости. На самом деле эта сфера не получила регулирования по замыслу определённого круга лиц, который у нас нет цели устанавливать в данном исследовании, и их умысел (переходя на язык уголовного права), состоял в конечном итоге в обогащении за счёт такой ситуации, что им и удалось сделать, переводя за рубеж от 1 до 3 триллионов долларов в свою пользу.

Теперь о ситуации, когда регулирование правом формально есть, но право не действует, и снова в пользу очень богатых и состоятель-

ных. Учёные пишут: «В 2017 г. впервые было обнаружено использование аукционных роботов – программ для ЭВМ, которые обеспечивают имитацию конкурентной борьбы при снижении цены на закупаемые медицинские изделия. По оценкам ФАС России, суммарный ущерб для экономики страны от всех картелей составляет 1,5–2% валового внутреннего продукта, или 1,6–2,2 трлн руб. в 2019 г. (ВВП России в 2019 г. превысил 110 трлн руб.)» [5. С. 907]. Итоги деятельности государства в «антимонопольной» сфере учёные подвели так: «Несмотря на активные усилия со стороны государства (с 2004 г. принято четыре пакета антимонопольного законодательства, включая усиление мер административной и уголовной ответственности за картели), системных успехов в борьбе с картелями пока достигнуть не удалось. Картели (преимущественно картели, являющиеся частью сговора на торгах) продолжают оказывать сильнейшее негативное влияние на экономику. Однако риск понести реальную уголовную ответственность за картельный сговор по-прежнему остаётся минимальным, хотя масштабы уголовного преследования заметно увеличились. За последние три года (2017–2019) было возбуждено 42 уголовных дела о криминальных картелях, но уголовное наказание понёс лишь один человек» [6. С. 909].

Данная ситуация с позиций нашего исследования выглядит так. Ряд лиц создали нормы права для регулирования антимонопольного сектора экономики, обеспечили их принятие, но сделали это таким образом, чтобы нормы права внешне выглядели достаточно жёсткими, поскольку они являются нормами уголовного права (ст. 178 УК РФ «Ограничение конкуренции»), но чтобы в реальности они не работали и позволяли им делать свои преступные и чрезвычайно выгодные дела, оставаясь безнаказанными. Регулирование оказалось на бумаге (в законах), а фактически созданная в реальности с помощью аукционных роботов и прочих новейших технологий экономика (экономический преступный интерес) отрегулировал нормы права в интересах преступных групп. Хотелось бы думать, что это получилось случайно, но результат явно закономерный – 42 уголов-

ных дела и один привлечённый к ответственности. И если в этой сфере далее всё-таки будут привлекаться к ответственности больше лиц, всё равно остаётся без ответа вопрос, кто и зачем создал такие нормы права и соответствующие правовые механизмы, которые позволяют сначала украсть огромные деньги, вывезти их куда надо, и только потом разрешить законодателю и правоохранительным органам как-то изменить ситуацию, если они вообще способны будут это сделать.

Приведённый пример показывает, как экономика (точнее – экономический преступный интерес) изначально воздействует на право и подавляет его суть полностью, как и в случае со сферой вывоза (оттока) капитала.

Сфер, где преступный экономический или финансовый интерес диктует поведение огромного круга лиц таким образом, что в первую очередь удовлетворяется преступный интерес, и только потом, чисто формально – правовой, достаточно много.

Вот ещё одна такая сфера. Специалисты пишут: «В самом начале 2000-х гг. 76% сделок по слиянию компаний носили недружественный характер. В период 2002–2005 гг. чуть менее 5000 российских компаний заменили своих владельцев. По данным консалтинговых агентств, в России каждый год происходили 60–70 тыс. рейдерских нападений» [6. С. 103]. Заметим, что в УК РФ нет нормы об уголовной ответственности за рейдерство. Законодатель хорошо знает эту статистику, поэтому сказать, что это случайность или забывчивость, нельзя. Это пример наличия преобладания преступного экономического интереса, который создаёт аморфную и не различимую без специального анализа ситуацию отсутствия в законодательстве, а в правоохранительной сфере – практических механизмов, которые бы реально подавляли рейдерскую активность. Слишком выгодный сектор теневой экономики, чтобы его нужно было подавлять и лишать большую и неопределённую группу лиц сверхдоходов.

Ещё более выгодный сектор теневой экономики – наркобизнес. Его роль можно охарактеризовать с позиции нашего исследования точно так же – он задаёт в экономике определённые правила таким образом, что прямо их формирует, или

же не допускает формирования определённых норм права вообще. Таким образом он обеспечивает своё стабильно растущее существование.

И это далеко не все сферы экономики, которые прямо или косвенно оказывают не только влияние на государство и общество, но задают ему то, что называют в бизнесе «правилами игры», под которыми понимается совокупность норм действующего законодательства и правовые механизмы их реализации. Все они вместе взятые определяют реальное поведение участников отношений во всех сферах, включая экономику, финансы, бизнес и всё прочее. Однако поскольку все сферы жизни так или иначе включены в экономику, можно считать её конечное состояние интегральным действием всех факторов. Мы в исследовании обращаем внимание только на один фактор, взаимодействующий со сферой экономики, и это – право, и видим, что его действие на экономику далеко не всегда и далеко не во всех сферах является определяющим, доминирующим и позволяющим сказать, что право является регулятором экономики. Экономический интерес часто оказывается более влиятельным фактором, чем право, при этом экономический интерес такого рода имеет по своей сути преступный характер, но формально таковым в уголовном праве не является в связи с отсутствием соответствующих статей в УК РФ. Тем не менее, он во многом задаёт направление развития экономике, и она получается таковой, какой она сегодня есть.

Вывод. Следовательно, юристам, законодателю предстоит большая работа по достижению понимания того, какими средствами нужно добиваться того, чтобы деятельность законодателя по производству новых законов приводила бы к запланированному результату и право действительно превращалось бы в универсальный инструмент регулирования, направленный на достижение благих целей. Цели предстоит сформулировать, поскольку их в нынешней парадигме права и в официальной доктрине нет, как нет на сегодняшний день и Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации, разработка которой предусмотрена ст. 16 Федерального закона от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Судя по названию, Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации замышлялась как главный документ, на основе которого право, получившее в этом документе цель и систему задач, могло бы более осмысленно и более эффективно регулировать экономику. Отсутствие сформулированной цели является причиной того, что право далеко не всегда может выступать в роли инструмента эффективного регулирования экономики, хотя такая причина не является единственной. Поэтому для определения того, право или экономика играет большую роль в регулировании, нужно сначала определиться с глобальными целями государства.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

1. Robinson F. Equality is Liberty // *The Happy Republic: A Reader in Tocqueville's America* / Edited and with introductions by George E. Probst. HARPER TORCHBOOKS. The Academy Library HARPER & BROTHERS Publishers. – New York. – 1962.
2. Указ Президента РФ от 28.02.2022 № 79 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций» // *Российская газета*. – № 43. – 01.03.2022.
3. Бурьнин С.С. Организационное обеспечение расследования налоговых преступлений: учебно-методическое пособие / под ред. Ю.А. Цветкова. М.: Московская академия СК России. – 2020.
4. Аганбегян А.Г. О необходимости новой социально-экономической политики // *Среднерусский вестник общественных наук*. – 2020. – Том 15. – № 3.
5. Лисицын-Светланов А.Г., Башлаков-Николаев И.В., Заварухин В.П., Максимов С.В. Картелизация российской экономики: основные причины, последствия и пути их устранения // *Вестник Российской академии наук*. – 2020. – Том 90. – № 10. – С.
6. Шахкелдов Ф.Г., Степанов С.Д. Рейдерство: понятие и криминалистическая характеристика способов совершения преступлений // *Юристъ-Правоведь*. – 2020. – № 3 (94). – С. 30.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ГОЛОСКОКОВ Леонид Викторович – ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела факультета подготовки научно-педагогических кадров и организации научно-исследовательской работы Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук. Контакты: 125080, г. Москва, ул. Врубеля, д. 12, akskrf@yandex.ru.

AUTHOR

GOLOSKOKOV Leonid V. – a leading researcher of the Research Department of the Faculty of Training Scientific and Pedagogical Personnel and Organization of Research work of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Law. Contacts: 12 Vrubel str., Moscow, 125080, akskrf@yandex.ru.

Дата поступления статьи в редакцию: 15.04.2022 г.

УДК 343

*Елена Юрьевна Антонова,*Дальневосточный юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации**НОВЫЕ ФОРМЫ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ**

Аннотация. Цифровизация привела к появлению новых форм преступной деятельности в цифровом пространстве и с использованием цифровых и IT-технологий. Отмечается высокая степень общественной опасности таких деяний, что обусловлено сложностью их выявления и раскрытия, возможностью совершения на любых территориях, физической безопасностью субъектов, применяющих такие технологии и т. д. Обращается внимание на необходимость совершенствования мер, направленных на прогнозирование, обнаружение и предотвращение таких преступлений.

Ключевые слова: цифровизация, цифровые технологии, IT-технологии, цифровая культура, преступления с использованием цифровых и информационно-телекоммуникационных технологий.

*Elena Yu. Antonova,*Faculty of Law of the Far Eastern Law Institute (branch)
of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,**NEW FORMS OF CRIMINAL ACTIVITY
IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION**

Abstract. Digitalization has led to the emergence of new forms of criminal activity in the digital space and using digital and IT technologies. A high degree of public danger of such acts is noted, which is due to the complexity of their identification and disclosure, the possibility of committing them in any territories, the physical security of subjects using such technologies, etc. Attention is drawn to the need to improve measures aimed at predicting, detecting and preventing such crimes.

Keywords: digitalization, digital technologies, IT technologies, digital culture, crimes using digital and information and telecommunication technologies.

Цифровизация, то есть «процесс трансформации общества, в котором используются повсеместно распространенные цифровые технологии для соединения все более широких социальных пространств» [15. С. 8–25] является неотъемлемой реальностью современного мира. Цифровые технологии развиваются стремительно и занимают все большее место в нашей жизни. Они позволяют осваивать новые технологии и рынки, расширять сферы деятельности, разрабатывать новые продукты и услуги, развивать бизнес-модели, ведут к росту производительности труда и повышению конкурентоспособности компаний, открывают новые возможности, например доступ к образованию (что актуализировалось в период пандемии) и т. д.

В научной литературе отмечается, что «цифровая трансформация» и «цифровое пространство» – это реальный и единственно верный путь развития бизнеса, для того чтобы он мог расширяться и оставаться конкурентоспособным [11]. Однако цифровизация привела к возникновению новых форм преступной деятельности в цифровом (кибер-) пространстве, а также с использованием цифровых и IT-технологий. Статистические данные свидетельствуют о росте таких преступлений [16. С. 25].

Так, по данным Главного информационно-аналитического центра МВД России в 2020 г. зарегистрировано 510 396 преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (на 73,4% боль-

ше, чем за аналогичный период прошлого года), в 2021 г. – 517 722 (на 1,4% больше, чем за АППГ). В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился с 14,5% в январе – декабре 2019 г. до 25,0% в 2020 г. и до 25,8% в 2021 г. Согласно статистическим данным в 2021 г. больше половины таких преступлений (55,7%) относилось к категориям тяжких и особо тяжких (288,3 тыс.; +7,7%), более двух третей (67,9%) было совершено с использованием сети «Интернет» (351,5 тыс.; +17,0%), почти половина (42,0%) – средств мобильной связи (217,6 тыс.; –0,5%) [9, с. 4, 7; 10, с. 3, 6]. Следует иметь в виду, что это далеко не полные данные о рассматриваемых преступлениях в силу высокого уровня их латентности.

Причинами роста преступлений, совершаемых с использованием цифровых и IT-технологий, являются быстрое развитие указанных технологий, широкая распространенность и доступность для большинства населения услуг сотовой связи и информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», с одной стороны, и низкая цифровая (компьютерная) грамотность населения, доверчивость людей, с другой стороны.

Цифровая культура – это набор принципов, ценностей и совокупности компетенций, характеризующих использование информационно-коммуникационных цифровых технологий для взаимодействия с обществом и решения задач в профессиональной деятельности. Специалистами отмечается, что цифровая культура объединяет коллективную реакцию сотрудников на цифровую информацию; поощряет инновации; ускоряет работу, нарушая иерархию; привлекает специалистов извне и сохраняет текущую рабочую силу [11]. Соответственно отсутствие базовых знаний о цифровых технологиях, умения их применять на практике и быстро обучаться новым цифровым технологиям не только тормозит развитие экономики, но и способствует увеличению количества преступлений, совершаемых с их использованием.

Совершение преступлений в цифровом (кибер-) пространстве и неправомерное использование цифровых и IT-технологий является источником новых угроз, таких как кибербуллинг, кибермоббинг, троллинг и других форм психиче-

ского, эмоционального насилия, кража конфиденциальных данных, мошенничество, кибертерроризм, киберэкстремизм и т. д. При этом следует иметь в виду, что преступления, совершаемые в информационно-телекоммуникационной среде и с использованием цифровых и IT-технологий – это не только деяния в сфере компьютерной информации. Цифровые и IT-технологии зачастую являются средством/орудием совершения преступлений. Объектами противоправных деяний с использованием этих технологий могут быть жизнь, здоровье, половая неприкосновенность малолетних/несовершеннолетних, отношения собственности, экономическая, информационная и общественная безопасность и т. д. Такие деяния причиняют вред/ущерб как отдельно взятым личностям и юридическим лицам, так и обществу в целом, подрывая основы национальной безопасности государства.

Наибольшую угрозу национальной безопасности любого государства в этой связи представляют преступления террористического характера и экстремистской направленности.

Как отмечает директор ФСБ России А.В. Бортников, «на расширение спектра возможностей террористов будет работать растущая доступность технологий искусственного интеллекта для анализа больших массивов информации, в том числе нелегально полученных баз данных» [4, с. 9].

Террористические группы и экстремисты получают непосредственную выгоду от расширения цифровых возможностей. Например, террористы часто планируют и направляют атаки, используя платформы социальных сетей и онлайн-форумы [14]. Кроме того, в литературе уже описывается опасная перспектива применения автономного транспортного средства в качестве орудия террористических атак [6. С. 160].

Все оборонные ведомства финансируют разработку, связанную с робототехникой для военного применения. Есть достижения, и на поле боя будут воевать не люди, а машины [8].

Негативное (деструктивное) воздействие в Интернет-пространстве оказывается и на малолетних/несовершеннолетних лиц, среди которых осуществляется пропаганда идеологии насилия (экстремизма и терроризма), суицидальных идей, употребления наркотических средств

и иных психоактивных веществ, насилия как социальной нормы. Представители данной целевой аудитории нередко становятся жертвами трэш-стримов (человека в прямом эфире подвергают психическому или физическому насилию) и др. Для этого несовершеннолетних нередко погружают в Интернет-сообщества, склоняющих несовершеннолетних к суицидальному и иному опасному для здоровья и жизни поведению, пропагандирующих отрицание законопослушного поведения, преступный образ жизни, а также деструктивные движения (например, АУЕ – арестантский уклад един, скул-шутинг, колумбайн, и др.), количество которых ежегодно увеличивается.

Так, Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций в 2020 г. осуществлялся мониторинг социальных сетей («ВКонтакте», «Одноклассники», «Мой мир»), в рамках которого было выявлено 51 980 материалов по суицидальному контенту, 28 431 порнографический материал с участием несовершеннолетних и 16 539 материалов по наркотическому контенту, из них заблокировано (удалено) службами модерации социальных сетей – 45 561, 20 305 и 16 527 материалов соответственно [5].

Данные обстоятельства требуют серьезных исследований вопросов построения моделей уголовно-правового регулирования общественных отношений в сфере защиты личности, общества и государства от преступных посягательств, совершаемых в цифровом (кибер-) пространстве, а также с использованием различных цифровых и IT-технологий. Это обусловлено быстрыми темпами развития цифровых и IT-технологий и активным внедрением их не только в общественно полезные сферы жизнедеятельности, но и различные формы преступной деятельности.

Деяния, совершаемые с использованием указанных технологий, обладают высокой степенью общественной опасности. Это обусловлено многими факторами. Как отмечают специалисты, действия киберпреступников становятся все более агрессивными, они принимают меры к тщательному сокрытию следов, сохранению анонимности, продумывают свое поведение так, чтобы максимально осложнить сбор доказательств и избежать ответственности. Практически всегда при

совершении киберпреступлений применяются методы цифровой конспирации: шифрование данных, в том числе с использованием специализированных программ для маскировки IP-адресов, выход в Сеть через публичные точки доступа, использование учетных записей и идентифицирующих данных, принадлежащих иным лицам, не осведомленным о таком использовании и т. д. [7]. Указанные обстоятельства являются основной причиной высоколатентности данных преступлений и низким уровнем раскрываемости выявленных общественно опасных деяний (к примеру, из 517 722 зарегистрированных в 2021 г. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации раскрыто всего 118 920–22,9% [10. С. 3, 6]).

Уже сегодня очевидно, что преступность с использованием цифровых и IT-технологий носит глобальный разрушительный характер и наносит колоссальный экономический ущерб. Так, по данным Risk IQ, киберпреступность обходится мировой экономике в 2,3 млн фунтов стерлингов в минуту. В Великобритании почти половина предприятий (46%) и четверть благотворительных организаций (26%) сообщили о нарушениях кибербезопасности или атаках за последние 12 месяцев (данные по состоянию на 06.08.2020) [12]. Согласно отчету Федерального бюро расследований (ФБР) за 2020 г., атаки деловой электронной почты привели к убыткам в размере 1,8 млрд долларов и составляют более 40% всех убытков от киберпреступлений. В 2020 г. подразделение Microsoft по цифровым преступлениям добился судебных постановлений о блокировании вредоносных веб-приложений, нацеленных на бизнес-организации, распорядился удалить 744 980 фишинговых URL-адресов и восстановить 6 633 фишинговых набора, что привело к закрытию 3 546 вредоносных учетных записей электронной почты, которые использовались для сбора украденных учетных данных клиентов, полученных в результате успешных фишинговых атак [13]. В результате данных действий снижается доверие к цифровой экономике и киберпространству в целом, и как следствие сдерживается желание активного пользования Интернет-услугами.

Отмечаются и очевидные преимущества применения данных технологий/систем в процессе совершения общественно опасных деяний. В частности, технологии/системы искусственного интеллекта могут использоваться на любых территориях, в том числе представляющих опасность (зоны военных конфликтов, чрезвычайных экологических ситуаций или экологического бедствия и др.); физическая безопасность субъектов их применяющих (например, при использовании опасных предметов – химических, отравляющих или взрывчатых веществ и др.) и сложность их обнаружения [2. С. 31–39].

Особое внимание в эпоху цифровизации необходимо уделять методам и средствам противодействия преступлениям. Определенные шаги в направлении развития новых методов по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, совершаемых в информационно-телекоммуникационной среде и с использованием цифровых и IT-технологий, предпринимаются. Так, по данным, представленным директором Контртеррористического управления ООН В. Воронковым, разработки в сфере искусственного интеллекта уже сегодня позволяют обрабатывать и идентифицировать важную информацию с молниеносной скоростью: «Интернет-контент террористов обнаруживается и удаляется быстрее, чем когда-либо. Пятнадцати-двадцати минут достаточно, чтобы обнаружить и удалить такой контент благодаря алгоритмам машинного обучения». Квантовые вычисления вкупе с использованием искусственного интеллекта ускоряют обработку информации, позволяющей выйти на след террористов. Изучается возможность применения блокчейн-регистрации для выявления компаний и частных лиц, финансирующих терроризм. Кроме того, разрабатывается проект по идентификации подозреваемых в терроризме и уже известных террористов на границах, в аэропортах и людных местах, а также по защите критической инфраструктуры от кибератак [3].

В мировой практике есть примеры использования технологий искусственного интеллекта для раскрытия и расследования преступлений коррупционной направленности [1. С. 202–205].

При этом отметим, что данных мер недостаточно для предупреждения появления новых форм преступной деятельности в цифровом (кибер-) пространстве, а также с использованием цифровых и IT-технологий. К тому же не все из предпринимаемых мер являются эффективными. Например, блокировка «деструктивных» сайтов и интернет-страниц малоэффективна ввиду краткосрочности действия меры, после их закрытия создаются новые аналогичные аккаунты с большей степенью защиты.

В государстве должны постоянно разрабатываться, совершенствоваться и эффективно применяться организационные, оперативно-розыскные, информационно-аналитические, информационно-просветительские и иные меры, направленные на прогнозирование, обнаружение, сдерживание, предотвращение общественно опасных деяний, совершаемых в цифровом (кибер-) пространстве, а также с использованием цифровых и IT-технологий и ликвидацию их последствий. С учетом того, что рассматриваемые технологии/системы создают люди, и они же ими управляют, очевидной является необходимость повышения цифровой/компьютерной грамотности всего населения в целом и сотрудников правоохранительных органов, в частности.

Что касается правового реагирования на общественно опасные деяния, совершаемые в цифровом (кибер-) пространстве, а также с использованием цифровых и IT-технологий. Представляется, что уголовный закон содержит нормы, позволяющие отреагировать на причинение вреда/ущерба различным общественным отношениям в процессе совершения преступлений в цифровом (кибер-) пространстве, а также с использованием цифровых и IT-технологий (например, ст. 137 УК РФ, при имущественном ущербе – нормы гл. 21 УК РФ, в случае посягательств на общественную безопасность – нормы раздела IX УК РФ и т. д.) Многие нормы уголовного закона уже сегодня дополнены криминообразующим или квалифицирующим (особо квалифицирующим) признаком – «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»)», совершенствуются и нормы о преступлениях в сфере компьютерной информации (гл. 28 УК РФ). В целом можно

констатировать наличие в нашей стране правовой базы для защиты, охраняемых уголовным законом общественных отношений от соответствующих преступных посягательств.

Вместе с тем, существующие нормы, не всегда охватывают весь спектр возможных угроз, например, в случае использования технологий/ систем искусственного интеллекта. Кроме того, не до конца определен понятийный аппарат в сфере цифровых технологий, что не позволяет конструировать правовые нормы, отвечающие всем потребностям современного научно-технического состояния.

В связи с этим представляется важным и требующим детального изучения пробельности как уголовного законодательства, так и иных нормативных правовых актов, регулирующих вопросы функционирования цифрового (кибер-) пространства и развития цифровых и IT-технологий.

Считаем, что на современном этапе противодействия новым формам преступной деятельности в цифровом (кибер-) пространстве достаточным будет дополнить ст. 63 УК РФ следующим обстоятельством, отягчающим наказание: «совершение преступления с использованием цифровых и информационно-телекоммуникационных технологий».

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Антонова Е.Ю. Противодействие коррупции при помощи искусственного интеллекта // Право, его применение и реализация в эпоху глобальных вызовов и меняющейся реальности: VI Тихоокеанский юридический форум (8.10.2021 г., ДВФУ): материалы / сост. В.В. Гаврилов. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2021. С. 202–205.
2. Антонова Е.Ю. Технологии искусственного интеллекта – субъект преступления или орудие / средство совершения преступления? // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2022. – № 14(1). – С. 31–39. DOI: <https://doi.org/10.31429/20785836-14-1-31-39>.
3. В Минске обсуждают возможности новых технологий и искусственного интеллекта в борьбе с терроризмом // Организация Объединенных Наций: [сайт]. URL: <https://news.un.org/ru/story/2019/09/1362292>
4. Вступительное слово на открытии пленарного заседания Директора ФСБ России А.В. Бортникова // Вестник национального антитеррористического комитета. 2020. – № 1(23). – С. 7–11.
5. Доклад об осуществлении государственного контроля (надзора) и об эффективности такого контроля (надзора) за 2020 год. М., 2021. 293 с. // Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: [сайт]. URL: <https://rkn.gov.ru/plan-and-reports/reports/>
6. Дремлюга Р.И. Использование искусственного интеллекта в преступных целях: уголовно-правовая характеристика // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2021. – Т. 23. – № 3. – С. 153–165.
7. Интервью руководителя отдела по расследованию киберпреступлений и преступлений в сфере высоких технологий СК России К. Комарды ИА «ТАСС» // Следственный комитет РФ: [сайт]. URL: <https://sledcom.ru/press/interview/item/1529946/>
8. Как далеко шагнули разработки в области искусственного интеллекта? // Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ: [сайт]. URL: <https://mephi.ru/content/news/1387/124364>
9. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2020 года. М.: ГИАЦ МВД России, 2021. 66 с.
10. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2021 года. М.: ГИАЦ МВД России, 2022. 67 с.
11. Ячменева В.М., Ячменев Е.Ф. Цифровое пространство как необходимое и достаточное условие цифровизации экономики // Baikal Research Journal. 2020. – Т. 11. – № 3. DOI: 10.17150/2411–6262.2020.11(3).2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoye-prostranstvo-kak-neobhodimoe-i-dostatochnoe-uslovie-tsifrovizatsii-ekonomiki>
12. Cybercrime and digital transformation // Kaplan. URL: <https://kaplan.co.uk/insights/article-detail/insights/2020/08/06/cyber-crime-and-digital-transformation>
13. Digital Crimes Unit: Leading the fight against cybercrime // Microsoft. URL: <https://news.microsoft.com/on-the-issues/2021/04/15/how-microsofts-digital-crimes-unit-fights-cybercrime/>
14. Mitrani Y. How digital transformation is giving serious crime and terror a high-tech makeover // Cognyte. URL: <https://www.cognyte.com/blog/how-digital-transformation-is-giving-serious-crime-and-terror-a-high-tech-makeover/>
15. Trittin-Ulbrich H., Scherer A.G., Munro I., Whelan G. Exploring the dark and unexpected sides of digitalization: Toward a critical agenda // Organization. 2020. Vol. 28 (1). P. 8–25. DOI: 10.1177/1350508420968184.
16. Крайнова Н.А. Юридическая конвергенция права и технологий в сфере противодействия киберугрозам // Право и цифровая экономика. 2021. – № 2 (12). – С. 23–31.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

АНТОНОВА Елена Юрьевна – декан юридического факультета Дальневосточного юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Контакты: ул. Суханова, д. 8, Владивосток, Россия, 690091 E-mail: antonovy@yandex.ru

AUTHOR

ANTONOVA Elena Yu – Dean of the Faculty of Law of the Far Eastern Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor Contacts: Sukhanova str., 8, Vladivostok, Russia, 690091 E-mail: antonovy@yandex.ru.

Дата поступления статьи в редакцию: 07.04.2022 г.

УДК 341.2

Ирина Евгеньевна Жуковская,
Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации, Москва

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ОСНОВЫ И ПУТИ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЭКОНОМИКЕ

Аннотация. В данной статье автором представлены законодательные основы развития цифровой экономики в Российской Федерации, а также рассмотрены современные цифровые технологии, применяемые в деятельности экономических субъектов в современный период. Показано, что применение цифровых технологических решений и информационных систем, опирающихся на прочную нормативно-правовую базу и базирующихся на использовании инноваций, способствует эффективному развитию отраслей и сфер экономики.

Ключевые слова: цифровые технологии, информационные системы, законодательная база, эффективность, конкурентоспособность, инновации.

Irina E. Zhukovskaya
Financial University under the Government
Russian Federation, Moscow

LEGISLATIVE FRAMEWORK AND WAYS OF APPLICATION OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE ECONOMY

Abstract. In this article, the author presents the legislative framework for the development of the digital economy in the Russian Federation, and also considers modern digital technologies used in the activities of economic entities in the modern period. It is shown that the use of digital technological solutions and information systems based on a solid regulatory and legal framework and based on the use of innovations contributes to the effective development of industries and sectors of the economy.

Keywords: digital technologies, information systems, legal framework, efficiency, competitiveness, innovations.

Введение. Цифровая трансформация мировой экономической системы предполагает применение полного комплекса цифровых технологий во всех сферах жизни общества. В настоящее время консалтинговым агентством PricewaterhouseCoopers выделены восемь базовых технологий цифровой экономики: интернет вещей и искусственный интеллект, являющиеся основой для нового поколения цифровых ресурсов; робототехника, дроны и 3D-принтеры; дополненная и виртуальная реальность – инновационные технологии, объединяющие физический и цифровой миры; технология блокчейн и облачные вычисления, позволяющие оптимизировать операции различных видов учета и коммерческих сделок. Применение в экономических процессах всех, вышеуказанных технологий опирается на соот-

ветствующую нормативно-правовую базу. На сегодняшний день во многих странах приняты стратегии развития цифровой экономики [1], определены пути эффективного применения инновационных разработок.

Опыт свидетельствует, что важными вехами реализации стратегии развития цифровой экономики в Российской Федерации служит создание экосистемы страны, открытие высокотехнологичных предприятий и организаций, повышение конкурентоспособности страны.

С этой целью в стране разработан целый комплекс «дорожных карт», реализующих такие программы, как «умный город», «электронное здравоохранение», «электронное образование», государственные и муниципальные услуги и т. д.

Все вышеуказанные меры требуют формирования комплексного законодательного регулирования отношений в быстро меняющемся цифровом мире.

Методы. При написании настоящей статьи автором были применены такие методы как системный анализ, синтез, наблюдение, сравнение, обобщение, методы монографического исследования и работы с компьютерными сетями, веб-технологиями. Информационными источниками послужили статистические данные Росстата, Минкомсвязи Российской Федерации, а также аналитические отчеты различных научно-исследовательских учреждений, статьи, размещенные в электронных журналах научных и высших учебных заведений и т. д.

Обсуждения. В современной научной литературе большое внимание ученых уделяется правовым основам становления цифровой экономики, выработке новых подходов к применению цифровых технологических решений в деятельности экономических объектов. Об этом свидетельствуют работы таких ученых, как Агеев А.И. [2], Асадуллина А.В. [3], Беликова К.М. [4], Бачило И.Л. [5], Гербина Т. [6], Горбашко Е.А. [7], Жуковская И.Е. [8], Мишанина В.Е. [9], Радца М.Д., Калашникова Е.Б. [10], Понкин И.В., Редькина А.И. [11], Тюменева Н.В. [12] и т. д.

Как показал анализ научных трудов, каждый из авторов высказывает свою точку зрения по развитию цифровых процессов в экономике. Однако, в работах отмечается, что для развития цифровой экономики в стране необходима прочная нормативно-правовая база.

С этой целью ставятся задачи по выявлению пробелов в данной сфере, основанных на динамичности развития цифровых технологий.

Кроме того, исследования позволили выявить основные черты цифровой экономики, заключающиеся в том, что цифровые каналы связи и цифровые платформы, помогают осуществлять оперативное взаимодействие по любым вопросам между производителями и потребителями все 24 часа в сутки 7 дней в неделю.

Формирование цифровой экономики в мировом масштабе меняет информационные процессы в отраслях экономики, способствуя их техническому и технологическому развитию. Вместе с тем, практика показывает, что такие технологии,

как интернет вещей (IoT), использование различных мобильных устройств меняют не только экономические отношения, но влекут за собой новые формы социального взаимодействия, необходимость постоянного повышения квалификации сотрудников, осуществляющих свою трудовую деятельность на экономических объектах.

Результаты. Исследования показали, что цифровая трансформация проникла во все сферы жизни общества. Опыт свидетельствует, что применение информационных систем, базирующихся на цифровых технологических решениях, является залогом успеха на экономическом рынке.

Развитие цифровой экономики базируется на прочной нормативно-правовой базе. В частности, в Российской Федерации принята Стратегия развития информационного общества на 2017–2030 годы, утвержденная Указом Президента РФ от 9 мая 2017 года за №203, Указ Президента РФ от 07 мая 2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 г.», Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., утвержденная Указом Президента РФ от 10 октября 2019 за № 490 «О развитии искусственного интеллекта в РФ», Основные направления деятельности Правительства РФ на период до 2024 г., утвержденные Правительством РФ 29 сентября 2018, а также иных документов стратегического планирования РФ, указанных в постановлении Правительства РФ от 02 марта 2019 за № 234 «О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика РФ» (вместе с «Положением о системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика РФ»)), с учетом необходимости создания правовой основы для их достижения и комплексного совершенствования законодательства РФ. Ученые отмечают процессы конвергенции права и цифровых технологий. [13]

Кроме того, исследования ученых, анализ зарубежного и отечественного опыта позволяют сделать вывод о том, что квантовые технологии, системы распределенного реестра (блокчейн), сенсорики, искусственного интеллекта и робототехники, промышленного интернета, беспроводной связи, виртуальной и дополненной реальности на сегодняшний день уже широко

используются в деятельности предприятий и организаций, способствуя их эффективному функционированию на мировом экономическом рынке.

Заключение. По результатам исследований можно заключить, что прочная законодательная база в сфере цифровых технологий и их постоянное развитие обеспечивают поступательное развитие в экономике по следующим направлениям:

- создание новой информационной инфраструктуры;
- развитие сквозных цифровых технологий, в том числе, облачных и аддитивных технологий, интернет вещей, робототехники и др.;
- изменение всех сфер жизни общества, инновационность бизнеса, что подразумевает цифровую грамотность каждого отдельного гражданина и сотрудника, а также всестороннее развитие личности;
- конвергенция технологий;
- трансформация бизнес-моделей и цифровых платформ;
- наращивание цифровой грамотности и т. д.;

– постоянное совершенствование систем информационной и кибербезопасности.

Как показывает практика, в условиях цифровой трансформации мировой экономической системы, отрасли и сферы экономики Российской Федерации все больше и больше используют потенциал цифровых технологических решений, которые способствуют достижению конкурентных преимуществ на мировом экономическом рынке. Данный подход подразумевает не только модернизацию технического оборудования, обновление программного обеспечения или интеллектуализацию производства, но и фундаментальные изменения в управленческих процессах, корпоративной культуре и внешних коммуникациях. В свою очередь, нормативно-правовая база и совершенствование управления способствует росту производительности труда каждого сотрудника, оптимизации информационного обмена, роботизации и интеллектуализации труда, что в конечном итоге служит достижению высоких результатов на экономическом рынке.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Указ Президента РФ от 09.05.2017 №203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/ (дата обращения 06.04.2022 г.).
2. Агеев А.И. Формирование организационных и информационных механизмов управления построением в России цифровой экономики / А.И. Агеев, Е.Л. Логинов // Экон. стратегии. – М., 2018. – №3 (153). – С. 56–67.
3. Асадуллина А.В. Цифровая экономика в России: текущий статус и проблемы развития // Рос. внешнеэкон. вестн. – М., 2018. – № 6. – С. 98–112.
4. Беликова К.М. Цифровая интеллектуальная экономика: понятие и особенности правового регулирования (теоретический аспект) / К. М. Беликова // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2018. – № 8 (99). – С. 82–85.
5. Бачило И.Л. Цифровизация управления и экономики – задача общегосударственная // Гос-во и право. – М., 2018. – №2. – С. 59–69.
6. Гербина Т. Цифровая экономика – новая мировая реальность // Вестник Моск. междунар. акад. – М., 2018 – №1 (13). – С. 92–113.
7. Горбашко Е.А. Влияние цифровизации на качество жизни с позиций устойчивого экономического развития. // Сборник статей по итогам XIV международной научно-практической конференции «Современный менеджмент: проблемы и перспективы». СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2019 г., С. 29–35.
8. Жуковская И.Е. Основные направления совершенствования методологии применения передовых информационно-коммуникационных технологий в статистической деятельности Республики Узбекистан в условиях формирования цифровой экономики. Статистика и Экономика. 2020; 17(5): 68–80.
9. Мишанина В.Е., Калашникова Е.Б. Особенности правового регулирования цифровой экономики // Право, экономика и управление: актуальные вопросы: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Чебоксары, 21 июля 2021 г.). – Чебоксары: ИД «Среда», 2020, – с. 180–185.
10. Радица М.Д., Калашникова Е.Б. Вопросы правового регулирования цифровой экономики // Вестник современных исследований. – 2018. – №11.6 (26). – С. 73–74.
11. Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект и право интеллектуальной собственности //

Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2018. – № 2. – С. 35–44.

12. Тюменева Н.В. Правовое регулирование цифровой экономики в России // Взаимодействие власти, бизнеса и общества в развитии цифровой экономики: материалы XI Международной научно-практической

конференции (Саратов, 29 июня 2018 г.). – Саратов: Саратовский источник, 2018. – С. 151–153.

13. Крайнова Н.А. Юридическая конвергенция права и технологий в сфере противодействия киберугрозам // Право и цифровая экономика. 2021. № 2 (12). С. 23–31.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ЖУКОВСКАЯ Ирина Евгеньевна – профессор департамента «Бизнес – информатика» факультета информационных технологий и анализа больших данных Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор экономических наук (DSc). Контакты: 125993, Россия, г. Москва, Ленинградский проспект, 49. E-mail: irishka.165@mail.ru Тел.: +7 910–941–21–75.

AUTHOR

ZHUKOVSKAYA Irina E. – professor of the Department «Business – Informatics» faculty of Information Technology and Big Data Analysis Financial University under the Government Russian Federation, Doctor of Economic Sciences (DSc). Contacts: 125993, Russia, Moscow, Leningradsky prospect, 49. E-mail: irishka.165@mail.ru Tel.: +7 910–941–21–75.

Дата поступления статьи в редакцию: 07.04.2022 г.

УДК 341

Юрий Владимирович Мишалченко,
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет, Санкт-Петербург
Анна Спартаковна Конева,
Прокуратура г. Санкт-Петербурга

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ КОДИФИКАЦИИ НОРМ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА

Аннотация. В статье проанализированы основные межотраслевые признаки международного экологического права. В результате рассмотрения документов основных международных форумов в области экологии был сделан вывод о том, что в современном международном экологическом праве не имеется универсального кодифицирующего международно-правового акта, в котором были бы систематизированы нормы, предусматривающие основные принципы международно-правового регулирования в сфере экологии. В статье рассмотрены аспекты формирования единой международной экологической правовой системы.

Ключевые слова: экология, окружающая среда; экологический кризис; экологическая безопасность; экологическое право; кодификация; прогрессивное развитие международного права; правовая охрана; экологическая конференция; юридические нормы; экологическая политика.

Yury V. Mishalchenko,
Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg
Anna S. Koneva,
Prosecutor 's Office of St. Petersburg

INTERNATIONAL LEGAL ASPECTS OF THE CODIFICATION OF ENVIRONMENTAL LAW

Abstract. This article analyzes the main intersectoral features of international environmental law. As a result of consideration of the main international forums in the field of ecology, it was concluded that international environmental law for many years of its existence has so far failed to resolve the issue of adopting a broad universal codifying international legal act, which would be possible to systematize the basic principles of this set of international legal norms. In addition, the article also highlights some aspects of the formation of a single environmental legal space. Emphasis is placed on the fact that the modern system of international relations related to solving the problem of environmental hazards is characterized by particularization in favor of the political interests of a number of states.

Keywords: ecology, environment; ecological crisis; environmental safety; environmental law; codification; progressive development of international law; legal protection; environmental conference; legal norms; environmental policy.

В последнее время экологические вызовы и угрозы принимают глобальный характер. Тем самым они настойчиво ориентируют международное сообщество на активный поиск максимально продуктивных правовых форм и механизмов регулирования общественных отношений, прин-

ципально новых или значительно модернизированных научно-правовых идей. Современная система международных отношений характеризуется партикуляризацией отношений, связанных с политическими проблемами. В основе указанных отношений лежит конкретный объект – эко-

номические интересы ряда государств, обслуживающих верхушку монополярного мира. В данном контексте право экологической безопасности приходится рассматривать как систему юридических норм, регулирующих отношения между субъектами международного права в сфере обеспечения экологической безопасности в зависимости от той или иной политической конъюнктуры.

Еще в середине прошлого века М. Копылов сделал вывод, звучащий актуально и в наше беспокойное время: «... специфика современной экологической обстановки состоит в том, что кризисных точек как в проблемном, так и в пространственном смысле становится все больше, и они оказываются тесно связанными между собой, образуя некую становящуюся все более частой сеть, вырваться из которой человек уже просто так не может в силу пространственной ограниченности» [1].

В таком случае нам следует принять такую оценку экологической безопасности, в соответствии с которой она представляет собой сложную интегрированную систему международных экологических норм, служащих для обеспечения безопасности жизненно важных для человечества компонентов природы, а также для сохранения, поддержания и укрепления в природе имеющегося равновесия.

В этой связи в наше время важное значение отводится правовому регулированию в сфере окружающей среды. Это привело к возникновению целых самостоятельных отраслей права, как во внутригосударственных правовых системах, так и в международных отношениях. И хотя международно-правовое регулирование экологических отношений существует уже довольно долго, проблема кодификации (упорядочивания) его норм по-прежнему остаётся актуальной. Более того, в международном праве кодификация характеризуется ещё и целым рядом особенностей. В частности, речь идет о том, что среди источников международного права кодекс не рассматривается в качестве такового. К тому же сложность связана с тем, что международное право создаётся «горизонтально», всеми государствами, которым зачастую нелегко прийти к согласию в решении основополагающих вопросов. Например, ряд госу-

дарств считает априорно экологически вредной атомную энергетику (Германия, ряд стран Евросоюза) и безусловно чистой энергетику «зелёную», т. е. ветро- и водотурбинную. Однако другие, не менее прогрессивные и экономически развитые страны (Россия, Франция, Япония, Китай) с цифрами на руках доказывают абсолютную чистоту атомной энергетики и сложность ликвидации последствий переработанной электроэнергетики.

Так и в международном праве до сих пор отсутствует единое понятие о кодификации. До сих пор единственным официальным документом, в котором определяется понятие кодификации международного права, является ст. 15 Статута Комиссии международного права ООН [2]. В ней под термином «кодификация» понимается «более точная формулировка и систематизация норм международного права в тех областях, в которых имеются определенные положения, установленные обширной государственной практикой, прецедентами и доктриной». Следует отметить, что сам Статут при этом вовсе не пытается дать некое исчерпывающее определение, а только поясняет, что сам термин «кодификация международного права» в данном случае употребляется лишь по соображениям удобства.

Хотелось бы также обратить внимание читателя на отдельные события, направленные на систематизацию норм экологического права, которые способствовали его развитию в отношении кодификации.

Первым межнациональным форумом по вопросам экологии стала международная Конференция по охране природы, прошедшая в г. Берне 17–19 ноября 1913 года [3, с. 195]. И хотя эта конференция не привела к принятию кодифицированного международного акта, тем не менее, она способствовала признанию мировым сообществом необходимости международного сотрудничества в сфере защиты окружающей среды.

Спустя почти 60 лет важным этапом на пути систематизации международного экологического права стала Конференция ООН по окружающей среде (вошедшая в историю, как Стокгольмская конференция, проходившая 5–16 июня 1972 года).

Следует отметить, что Стокгольмская конференция была не первым международным форумом в сфере экологии и охраны окружающей среды, организованным под эгидой ООН. Еще в конце 1940-х годов имело место событие международного масштаба: 5 октября 1948 года в Фонтенбло (Франция) прошла Учредительная ассамблея Международного союза охраны природы (МСОП) (англ. UCN, International Union for Conservation of Nature and Natural Resources). Вслед за этим, меньше, чем через год, 22–29 августа 1949 года в Лейк-Саксес (Нью-Йорк, США) была проведена первая Международная научно-техническая конференция по охране природы. Фактически Ассамблея дала старт работе МСОП. По мнению американской исследовательницы Л. Мелверн, МСОП можно считать старейшей экологической международной организацией из функционирующих в современных условиях. В сферу интересов и ответственности этого Союза вошли вопросы сохранения биологического разнообразия, а также работа в проблемных в экологическом смысле регионах мира и просветительская деятельность [4].

Несмотря на то, что кризисов в сфере экологии меньше не становилось, к началу 1990-х годов стал наблюдаться спад в международно-правовом регулировании экологических отношений. В частности, на Конференции ООН по окружающей среде и развитию (состоявшейся в 1992 году в Рио-де-Жанейро) был принят план действий по исполнению действующих международно-правовых норм. Важнейшими документами, принятыми на конференции, стали Декларация РИО-92, программный документ «Повестка дня на XXI век», а также специальная резолюция о принципах сохранения лесных экосистем мира. Следует отметить, что в этот период происходит переосмысление подходов к международно-правовому регулированию общественных отношений в области охраны окружающей среды, что сопровождалось особым взглядом на проблемы, не изолированным, как прежде, а в связи с развитием государств, обеспечением их стабильного социально-экономического благополучия.

Накануне Конференции «РИО+20» 30 апреля 2012 года Президентом РФ были утверждены Основы государственной политики в области эко-

логического развития Российской Федерации на период до 2030 года [5].

Следует отметить, что попытка разработки тщательно разработанного универсального международно-правового документа является не первой. Научная разработка так называемой «Экологической конституции Земли» проводилась и ранее. Одним из авторов этой идеи стал академик Национальной академии наук Украины, доктор юридических наук, профессор Ю.С. Шемшученко [6, с. 23–26]. «Экологическая конституция» нашей планеты была призвана стать основополагающим актом кодификации международного экологического права. С течением времени в ряде международных пактов и рекомендательных актов были сформулированы принципы, проведены попытки систематизировать и неофициально кодифицировать специальные принципы международного права относительно окружающей среды. Например, в Декларации Стокгольмской (1972 г.) Конференции ООН по проблемам окружающей среды, в Международном пакте (1995 г.) по окружающей среде и развитию, и в Протоколе об охране окружающей среды к Договору об Антарктике (1991 г.), который подписала также и Россия, содержатся десятки статей природоохранного характера. Однако очевидно, что большинство из этих статей имеют характер пожеланий, целей и направлений сотрудничества в той или иной сфере, а значительная часть из них сформулированы расплывчато и неясно [7].

Сегодня нами наблюдается активизация деятельности международных организаций в сторону переосмысления и развития традиционных принципов в сфере охраны окружающей среды, а также её устойчивое развитие в сторону кодификации [8, с. 21].

В то же время нельзя забывать о том, что мы живём в стремительно развивающемся и изменяющемся мире, полностью зависящем от смены политической конъюнктуры ведущих мировых игроков, так что уже в этом году можно ожидать перемен в расстановке мировых приоритетов относительно экологических предпочтений. В связи с тем, что страны Евросоюза под воздействием США намеренно отказываются импортировать из России энергоносители, можно ожидать смены предпочтений с импортировавшихся ранее угле-

водородов (газа, нефти и каменного угля) в сторону ядерной энергетики (хотя и в этой плоскости сложно одновременно возобновить переведённые в спящий режим или построить новые АЭС) или разместить на космической орбите солнечно-лазерные энергостанции. Также практически невозможно в течение ближайших 2–3 лет заменить транспорт, ориентированный на углеводородное топливо, на электрическую или какую-либо иную тягу. В любом случае России следует ожидать неких подвижек в области международного экологического права, направленных против имеющих в нашей стране углеводородных ресурсов. Очередная международная конференция в сфере экологии вполне способна объявить ископаемые углеводороды вне закона и потребовать выплаты колоссальных штрафов за само их использование или поставку продукции, изготовленной с их использованием. России к этим переменам следует готовиться, чтобы встретить их во всеоружии.

Изменения, происходящие в развитии международного экологического права, еще предстоит глубоко осмыслить и оценить. И оценивать их нужно с точки зрения их учета не только в отношении международного сотрудничества России

в вопросах изменения климата и кодификации международных экологических принципов, но и с точки зрения дальнейшего изучения концепции устойчивого развития, и в том числе развития национального экологического права. Обращает на себя внимание проявившийся в позиции представителей ряда государств уклон в сторону адаптации к глобальным изменениям климата, в сторону экосистемного подхода к правовому регулированию общественных отношений в контексте изменений климата, перевода принципа сопротивляемости социально-экономических систем в практическую сторону приспособляемости к неуклонно изменяющимся климатическим условиям на планете [9].

Проведенный анализ показывает, что мировое сообщество уже неоднократно указывало на необходимость глобальной кодификации норм экологического права. В современных условиях, когда экологические кризисы поставили человечество перед угрозой новых экологических катастроф, следует предпринять все усилия для создания единого кодифицированного международного договора в области экологического права.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Копылов М.Н. Международные организации и охрана окружающей среды // Международные организации / под ред. И.П. Блищенко. М.: изд-во РУДН, 1994
2. Резолюция Генеральной Ассамблеи 174 / II от 21 января 1947 г.
3. Лунева Е.В. Международное сотрудничество в области рационального природопользования // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 7. – С. 195.
4. Melvern L. The world's first environment conference / Linda Melvern Official Page; [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.lindamelvern.com/index.php/news/18-news/131-the-world-s-first-environmentconference-exclusive>
5. Копылов М.Н., Копылов С.М. Киевскому протоколу по стратегической экологической оценке – 10 лет // Экологическое право. – 2013. – № 2. – С. 26.
6. Шемшученко Ю.С. Экологическая конституция Земли: концептуальные подходы // Государство и право. – 2008. – № 6. – С. 23–26.
7. Тиунов О.И. Предмет, система и принципы международного права окружающей среды // Журнал российского права. – 2013. – № 6. – С. 76.
8. Краснова И.О. Современные тенденции развития международного экологического права // Экологическое право. – 2018. – № 2. – С. 21.
9. Краснова И.О. Современные тенденции развития международного экологического права // Экологическое право. – 2018. – № 2. – С. 26.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

МИШАЛЬЧЕНКО Юрий Владимирович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права СПбГЭУ, Санкт-Петербург, канал Грибоедова 32. E-mail: myv2008@mail.ru.

КОНЕВА Анна Спартаковна – Прокуратура г.Санкт-Петербурга, специалист 1 разряда. Контакты: 190000, Санкт-Петербург, улица Почтамтская, дом 1. E-mail: konevaanna05@mail.ru.

AUTHORS

MISHALCHENKO Yury V. Doctor of law, professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of UNECON. Contacts: St. Petersburg, Griboyedov Canal 32, E-mail: myv2008@mail.ru.

KONEVA Anna S. – Prosecutor 's Office of St. Petersburg, specialist of the 1st category Contacts: 1 Pochtamtskaya Street, Saint Petersburg, 190000. E-mail: konevaanna05@mail.ru.

Дата поступления статьи в редакцию: 05.04.2022 г.

УДК 332.1

Андрей Дмитриевич Жуковский,
 Финансовый университет при Правительстве
 Российской Федерации, Москва

ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫЕ КОМПАНИИ – СОВРЕМЕННЫЙ ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

Аннотация. Настоящая статья показывает, что в настоящее время высокотехнологичные компании, функционирующие на экономическом рынке, являются одним из эффективных инструментов социально-экономического развития регионов Российской Федерации. Автором доказано, что развитая правовая основа функционирования высокотехнологичных компаний, применение новых технологических решений, способствуют не только повышению занятости населения регионов Российской Федерации, но и достижению высоких показателей в экономической деятельности, а также решению целого комплекса социальных вопросов, что в конечном итоге благоприятно влияет на экономическое развитие страны в целом.

Ключевые слова: высокотехнологичные компании, инновации, цифровые технологии, высококвалифицированные специалисты.

Andrei D. Zhukovskii,
 Financial University under the Government
 Russian Federation, Moscow

HIGH-TECH COMPANIES ARE A MODERN TOOL FOR THE SOCIO- ECONOMIC DEVELOPMENT OF RUSSIAN REGIONS

Abstract. This article shows that currently high-tech companies operating in the economic market are one of the most effective tools for the socio-economic development of the regions of the Russian Federation. The author proves that the developed legal basis for the functioning of high-tech companies, the use of new technological solutions, contribute not only to increasing the employment of the population of the regions of the Russian Federation, but also to achieving high rates in economic activity, as well as solving a whole range of social issues, which ultimately has a positive effect on economic development of the country as a whole.

Keywords: high-tech companies, innovations, digital technologies, highly qualified specialists.

Введение. В настоящее время на экономическом рынке широкое распространение получают «высокотехнологичные компании». В соответствии с методологией ООН технология включает материальные и нематериальные компоненты – методы и технику производства товаров и услуг, реализованную технологию, оборудование, машины, сооружения, продукцию с высокими технико-экономическими параметрами.* Высокие технологии рассматриваются как:

- новый вид деятельности;
- наукоемкая отрасль, воздействующая на смежные отрасли;
- деятельность высококвалифицированных коллективов людей, базирующаяся на фундаментальных и прикладных исследованиях, с высокой долей затрат НИОКР в производстве.

Понятие «высокотехнологичная компания» в Российской Федерации первоначально нашло отражение в таких законодательных актах, как Постановление Правительства Российской Федерации № 832 от 24 июля 1998 г. «О Концепции инновационной политики Российской Федерации»

* Сайт ООН. – электронный ресурс. – URL <https://www.un.org/ru/development/surveys/technology.shtml> (дата обращения: 08.08.2021).

на 1998–2000 годы», в «Стратегии Российской Федерации в области развития науки и инноваций на период до 2010 года».

Кроме того, о развитии высокотехнологичных компаний отмечается в Указе Президента от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.»,* в котором отмечена необходимость ускорения технологического развития Российской Федерации и формирования несырьевого глобально конкурентоспособного сектора. В соответствии со «Стратегией научно-технологического развития России до 2030 г.» поставлена цель увеличения доли высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом внутреннем продукте (ВВП) страны.

Особенности функционирования высокотехнологичных предприятий основаны на следующих положениях:

- реальная возможность выхода на международный рынок высокотехнологичной продукции;
- возможность экспорта высокотехнологичных технологий;
- устойчивый рост рабочих мест для высококвалифицированных специалистов [4].

Исходя из этого можно заключить, что отличительными признаками высокотехнологичных компаний на экономическом рынке являются: высокий потенциал развития, способствующий долгосрочной жизнеспособности высокотехнологичной компании на экономическом рынке, влияние на расширение потребностей в новых инновационных решениях и выход на новые рынки; развитая информационная база для принятия грамотных управленческих решений (научные разработки, патенты, изобретения, лицензии, новые технологии, опыт предприятий – лидеров на экономическом рынке и т. д.); многовариантный, интерактивный, экспериментальный, более оптимальный подход к принятию управленческих и производственных решений; инновационный, основанный на методах экономико-математического моделирования, гибкий алгоритм управле-

ния; высокая приверженность стратегическому управлению; постоянное развитие, обучение, самообразование работников высокотехнологичной компании. Практика показывает, что, основываясь на инновационных технологических и управленческих решениях высокотехнологичные компании производят новые продукты и услуги высшего качества.

Методы. При написании настоящей работы были использованы общенаучные методы: системный анализ, синтез, индукция, эмпирические методы, наблюдение, анкетирование, сравнение и обобщение.

Данные методы позволили выявить, что объектом высокотехнологичных компаний выступают инновационные продукты, услуги и блага (законы, госты, стандарты, патенты, лицензии, технологии, инструменты и оборудование, инновационные проекты), реализация которых обеспечивает процесс осуществления инновационной деятельности в регионе.

Результаты. Исследования, проведенные автором, показали, что в современный период присутствие высокотехнологичных компаний на экономическом рынке позволяет отметить следующие положительные черты для экономики региона и страны в целом:

- высокотехнологичные компании осуществляют эффективную инновационную деятельность, создают новые инновационные продукты и услуги, оптимально используют все виды ресурсов;
- разрабатывают новые технологические решения, внедряют их в производство, разрабатывают инновационные услуги, что способствует созданию новых рабочих мест в регионах и увеличению производительности труда;
- создают продукты с высокой добавленной стоимостью, эффективно реализующиеся на отечественном и зарубежном рынке и способствующие росту конкуренции;

Собственные исследования автора показали, что высокотехнологичные предприятия на экономическом рынке способствуют достижению следующих положительных эффектов:

- высокотехнологичные компании способствуют привлечению инвестиций в регионы страны;

* Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 10.06.2021).

- разрабатывают новые формы взаимодействия с крупными корпорациями;
- осуществляют обучение персонала;
- проводят отраслевую экспертизу;
- предоставляют возможности заключения различных сделок между предприятиями и организациями в системе смарт – контрактов с помощью использования цифровых технологий;
- способствуют созданию новых рабочих мест, выпуску новых видов продукции, развитию новых бизнес-идей и т. д.

Кроме того, высокотехнологичные компании отличаются от других видов инновационных предприятий тем, что к их функционированию предъявляются обязательные требования к составу, качеству и способам использования различных видов ресурсов [3].

Также следует отметить, что высокотехнологичные компании имеют определенные требования в области организации бизнес – процессов. Технологически сложные процессы требуют от руководства высокотехнологичных компаний системного управления развитием, оптимизации бизнес-процессов в зависимости от влияния различных природных факторов. Данный фактор в свою очередь требует максимального учета производственных, финансовых и других видов рисков, что позволит эффективно связать в единую систему стратегию развития высокотехнологичной компании в регионе и на экономическом рынке страны, бизнес-процессы, управление, квалификацию кадров, ресурсы, цифровые технологические решения и выпуск инновационной продукции.

Таким образом, высокотехнологичные компании являются проводниками на экономическом рынке, которые позволяют осуществлять взаимодействие посредством цифровых платформ и других технологических решений с целью разработки и выведения на рынок нового продукта или услуги, кооперации партнеров, производителей, заказчиков и т. д.

Обсуждения. В научной литературе в настоящее время нет единого определения термина «высокотехнологичная компания», который был бы закреплён в определенном законодательном акте. Различные ученые предлагают определения с разных точек зрения.

Например, А.А. Лаптев предлагает следующее определение: «Высокотехнологичные компании» — это коммерческие организации (общества или предприятия), основное производство товаров (услуг) которых носит инновационный характер и отвечает следующим критериям:

1. Залогом достижения успеха высокотехнологичной компании является не только ее способность предложить на рынке принципиально новые товары и услуги, но и гармонизация ее коммерческих целей (как то, получение прибыли от основной хозяйственной деятельности) со стратегическими интересами государства в области формирования промышленной и торговой политик, ориентированных не только на устойчивое, но еще и прогрессирующее развитие мировой экономики.

2. Уровень наукоемкости (доля затрат на исследования и разработки отнесенная к результатам производства) используемых компаний в своем производстве технологий составляет не менее 3,5%.

3. Используемая компанией в своем производстве «ключевая» технология (или технологии) входит в действующий на момент выведения на рынок ее товаров или услуг национальный «Перечень критических технологий» что «залогом достижения успеха высокотехнологичной компании является не только ее способность предложить на рынке принципиально новые товары и услуги, но и гармонизация ее коммерческих целей (как то, получение прибыли от основной хозяйственной деятельности) со стратегическими интересами государства в области формирования промышленной и торговой политик, ориентированных не только на устойчивое, но еще и прогрессирующее развитие мировой экономики» [5].

В научных воззрениях С.В. Гавриловой отмечается, что: «Основной характеристикой высокотехнологичных компаний является потребление ими инноваций. В современной практике управления определены четыре типа инноваций, охватывающих широкий диапазон изменений, характерных для деятельности предприятий: продуктовые, процессные, организационные и маркетинговые» [2].

Ж.А. Мингалева подчеркивает, что «высокотехнологичные компании выполняют научные

исследования, имеющие индустриальную направленность, и характеризуются эффектом многомерного распространения, что приносит пользу другим коммерческим секторам и деловому расширению» [6].

И.В. Казмина отмечает: «Высокотехнологичное предприятие, являясь субъектом рыночной системы, ориентировано на производство высокотехнологичной продукции и предоставление научно-исследовательских услуг. Высокотехнологичное предприятие осуществляет активную инновационную деятельность».

Анализ вышеуказанных работ позволяет заключить, что под высокотехнологичной компанией подразумевается такая компания, основным капиталом которой является интеллектуальный капитал, включающий особые составляющие, как интеллектуальная собственность и высококвалифицированный персонал.

Одновременно практика показывает, что базовой характеристикой высокотехнологичных компаний является потребление ими различного рода инноваций: технологических, организационных, маркетинговых, процессных, продуктовых и т. д. Данный факт позволяет сделать вывод о том, что конкурентоспособность высокотехнологичных компаний обеспечивается за счет использования научных разработок и открытий, результатов собственных или чужих исследований [1].

На основании вышесказанного, нами предлагается следующее определение высокотехнологичной компании.

Высокотехнологичная компания – это хозяйствующий субъект, который осуществляет инновационную деятельность в области создания и использования высокотехнологичного производства в любом регионе на основе внедрения полного комплекса инноваций (цифровых, управленческих, организационных, технических, технологических, маркетинговых, эргономических) с целью поддержки конкурентоспособности, выпускаемой продукции или комплекса инновационных услуг, а также достижения высоких результатов на экономическом рынке.

Заключение. Таким образом, можно заключить, что функционирование высокотехнологич-

ных компаний в регионе способствует повышению уровня и качества жизни населения.

Основываясь на научных исследованиях авторов в области региональной экономики, можно выделить следующие особенности воздействия высокотехнологичных предприятий на конкурентоспособность региона и повышение качества жизни людей:

- размещение и функционирование в регионе высокотехнологичных предприятий в регионе способствует повышению эффективности производства высокотехнологичной продукции;
- высокотехнологичные предприятия способствуют развитию инфраструктуры региона и снижению потерь при производстве высокотехнологичной продукции и услуг;
- функционирование высокотехнологичных предприятий в регионе способствует росту специализации производства и кооперирования.

Все выше сказанное позволяет сделать вывод о том, что высокотехнологичные компании являются частью экономики своего региона и неразрывно с ней связаны. В свою очередь, инвестиционный потенциал региона свидетельствует, насколько привлекательным является данный регион для привлечения инвестиций. Наличие инвестиционных поступлений предоставляет большие возможности для развития высокотехнологичных компаний. В качестве результатов деятельности высокотехнологичных компаний – их вклада в развитие региональной экономики – могут быть использованы, как прямые показатели эффективности – выручка высокотехнологичных компаний, так и косвенные – рост качественного состава населения, использование новых видов энергии, инноваций и т. д.

Все выше представленные данные свидетельствуют о том, что в современный период необходимо дальнейшее совершенствование теоретических основ региональной экономики на основе учета современных тенденций развития высокотехнологичных компаний и наукоемких производств, внедрения передовых технологических решений в отраслях и сферах экономики.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Барина В.А. и др. Развитие высокотехнологичного сектора экономики. М.: РАНХиГС, 2018.
2. Гаврилова С.В. Концептуальные основы определения высокотехнологичного сектора экономики и функционирования высокотехнологичных компаний. // Экономика. Статистика и Информатика – 2014. – №2. – С. 5.
3. Жуковский А.Д. Роль высокотехнологичных компаний в системе пространственного развития России / А.Д. Жуковский // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2021. – С. 173–184.
4. Казьмина И.В. «Адаптивное развитие системы управления высокотехнологичными предприятиями»: дис. д.э.н.: 08.00.05 / ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет» – Воронеж, 2020. – 380 с.
5. Лаптев А.А. Понятие «высокотехнологичной компании» в современной микроэкономической теории // Инновации. – 2007. – № 7 (105). С. 15
6. Мингалева Ж.А. Инвестиции в высокотехнологичный сектор экономики как основа экономической модернизации. URL: <http://gisap.eu/ru/node/1153>.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ЖУКОВСКИЙ Андрей Дмитриевич – ассистент департамента «Менеджмент и инновации» факультета «Высшая школа управления» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации Контакты: ул. Ленинградский пр-кт, д. 49/2 E-mail: jukoffsky@gmail.com Тел.: +7(495)249–5328

AUTHOR

ZHUKOVSKY Andrey D. – assistant of the Department “Management and Innovation” of the Faculty “Higher School of Management” of the Financial University under the Government of the Russian Federation Contacts: 49/2 Leningradsky Ave., E-mail: jukoffsky@gmail.com Phone: +7(495)249–5328

Дата поступления статьи в редакцию: 7.04.2022 г.

УДК 338.2

Шарафутдин Ишанходжаевич Хашимходжаев,
Ташкентский государственный экономического университета

Елена Федоровна Пилипенко,
Ташкентский государственный экономического университета

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ – ВАЖНЫЙ ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация. В настоящей статье авторами показано, что в условиях цифровой трансформации экономики на повестку дня очень остро встают вопросы информационной безопасности. На конкретных примерах продемонстрировано совершенствование подходов к организации информационной безопасности в Республике Узбекистан.

Узбекистан уверенно вошел в число стран с развитой цифровой инфраструктурой, демонстрирует успехи в расширении процессов цифровизации во всех отраслях экономики. Особое внимание в Узбекистане уделяется вопросам обеспечения кибербезопасности, решению ряда задач по обеспечению защиты от потенциальных кибератак, бесперебойного функционирования объектов информатизации.

Ключевые слова: информационная безопасность, цифровые технологии, законодательная основа, кибербезопасность, прозрачность и открытость информации.

Sharafutdin I. Xashimxodjayev,
Tashkent State Economic University

Elena F. Pilipenko
Tashkent State Economic University

INFORMATION SECURITY IS AN IMPORTANT FACTOR IN THE EFFECTIVE DEVELOPMENT OF ECONOMIC FACILITIES IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION

Abstract. In this article, the authors show that in the context of the digital transformation of the economy, information security issues are on the agenda. Specific examples demonstrate the improvement of approaches to the organization of information security in the Republic of Uzbekistan. Uzbekistan has confidently entered the list of countries with a developed digital infrastructure, demonstrates success in expanding the processes of digitalization in all sectors of the economy. Special attention in Uzbekistan is paid to the issues of ensuring cybersecurity, solving a number of tasks to ensure protection from potential cyberattacks, the smooth functioning of informatization facilities

Keywords: information security, digital technologies, legal framework, cybersecurity, transparency and openness of information.

Общемировые процессы глобализации и цифровой трансформации выдвигают на повестку дня вопросы, как экономической, так и информационной безопасности. Практика показывает, что вопросы информационной безопасности являются важными в деятельности экономических объектов, как в Российской Федерации, так и в Республике Узбекистан. Об этом свидетельствует тот факт, что в Послании Федеральному

Собранию* Президент РФ В.В. Путин отметил необходимость дальнейшего научного и инновационного поиска для разработки и внедрения новых технологических решений.

* Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 15.01.2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения: 07.03.2022).

Очень показательным фактом актуальности развития данного направления является принятие 19 ноября 2021 года совместного заявления Президента Российской Федерации В.В. Путина и Президента Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёева о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности, в том числе в сфере Интернета. Данный документ свидетельствует о близости подходов наших стран к обеспечению МИБ.

Узбекистан уверенно вошел в век цифровизации, о чем свидетельствуют поэтапные действия правительства направленные на увеличение скорости и качества Интернета, повсеместного внедрения цифровых технологий.

При этом, особое внимание уделяется вопросам обеспечения кибербезопасности, решению ряда задач по обеспечению защиты от потенциальных кибератак, бесперебойного функционирования объектов информатизации.

При работе над статьей авторами были применены такие методы, как системный анализ, наблюдение, синтез, специальные методы по работе с компьютерными сетями, методы информационной безопасности.

Об актуальности проблем в области информационной безопасности свидетельствуют публикации ученых различных стран. К их числу можно отнести научные труды таких ученых, как Борок И.Г. [1], Гончар Н.А., Дронов Р.В. [2], Жуковская И.Е. [3], Зиятдинова В.В. [4], Колочков А.Б. [5], Мамаева Л.Н., Осипова Я.А., Хожина С.Е. [6], Попова Е.Н. [7], Рыгаловский Д.М. [8], Хашимходжаев Ш.И. [9].

Наряду с большим количеством научных публикаций по данной тематике, на сегодняшний день вопросы совершенствования информационной безопасности при функционировании информационных систем на экономических объектах нуждаются в постоянном развитии и совершенствовании.

Современная действительность показывает, что в настоящий период в Республике Узбекистан особое внимание уделяется вопросам обеспечения кибербезопасности, решению ряда задач по обеспечению защиты от потенциальных кибератак, бесперебойного функционирования объектов информатизации и критической информационной инфраструктуры Республики Узбекистан.

В этих целях проводится мониторинг событий, предотвращение и реагирование на угрозы и инциденты кибербезопасности в национальном сегменте сети Интернет.

Благодаря развитию систем информационной безопасности в течении 2020 года в Республике Узбекистан выявлено более 27 000 000 событий вредоносной и подозрительной сетевой активности, исходящей из адресного пространства национального сегмента сети Интернет, которые в свою очередь представляли угрозы безопасному и стабильному функционированию информационных систем и ресурсов государственных органов и других организаций.

По итогам 2020 года из 86 679 зарегистрированных доменов, активными являются порядка 30 000 доменов. Из них, более 12 500 доменов имеют SSL-сертификат безопасности.

По итогам мониторинга инцидентов кибербезопасности, совершенных в отношении веб-сайтов доменной зоны «UZ», зафиксировано 342 инцидента, из которых наибольшее количество приходится на несанкционированную загрузку контента (НЗК) – 306.

Важное внимание специалистов в области информационной безопасности уделяется системам с использованием мобильных устройств. Развитие сети базовых станций мобильной связи позволило создать условия для предоставления услуг мобильной связи 98 процентам населения страны, в том числе высокоскоростной – до 90 процентов. С 2017-го по 2021 год скорость интернета в стране выросла в 3,5 раза.

При рассмотрении вопросов информационной безопасности необходимо остановиться на таком понятии, как «цифровой след», который представляет собой уникальный набор действий в Интернете или на цифровых устройствах. Во Всемирной паутине «цифровой след», также известный как «электронный след» или «цифровая тень», представляет собой информацию, оставленную в результате просмотра веб-страниц и сохраненная в виде Cookie-файлов.

Различают «активный» и «пассивный» след. При пассивном мы только просматриваем содержимое интернет-ресурса, активный цифровой след остается при выкладывании постов, фото видео материалов в сеть.

Cookie-файлы используются веб-серверами для идентификации пользователей и хранения данных о них. Cookie легко перехватить и подменить (например, для получения доступа к учётной записи), если пользователь использует нешифрованное соединение с сервером.

По статистике, каждый третий пользователь когда-либо писал посты или выкладывал фотографии, о которых потом пришлось сожалеть.

Социальные сети сегодня играют огромную роль в жизни общества, особенно в молодежной среде. Однако наряду с положительными моментами, возникают и отрицательные стороны сетевой активности. Так, имеет место шантаж, вымогательство посредством угрозы распространения порочащих материалов личного характера, полученных из сети Интернет или другим способом. И часто жертва такого действия оказывается беззащитной перед подобной угрозой, поскольку по неосторожности кто-то получил доступ к информации личного характера.

Принятие проекта закона «О кибербезопасности» определит государственную политику в ключевой области, а также будет способствовать совершенствованию системы государственного регулирования, правового, организационного, научно-технического и нормативно-правового обеспечения кибербезопасности, обеспечению целостности информационных систем и ресурсов, предотвращению несанкционированных действий по уничтожению, модификации, искажению, копированию, блокированию информации и других форм незаконного вмешательства в информационные системы и сети Узбекистана.

В условиях цифровой трансформации экономики большое значение уделяется информационной безопасности, которая способствует четкой работе информационных систем и является залогом успешного функционирования экономических объектов в едином информационном пространстве.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Борок, И.Г. Оценка экономической безопасности предприятий. // Институты и механизмы инновационного развития: мировой опыт и российская практика: сб. науч. статей 9-й Междунар. научно-практ. конф. – Курск: Юго-Зап. гос. ун-т, 2019. – С. 20–32.
2. Гончар Н.А., Дронов Р.В. Нейтрализация цифровых угроз экономической безопасности приграничных регионов // Теоретические и прикладные аспекты экономической безопасности в условиях цифровизации: сб. ст. СПб., 2020. С. 74–79.
3. Жуковская И.Е. Основные направления совершенствования методологии применения передовых информационно-коммуникационных технологий в статистической деятельности Республики Узбекистан в условиях формирования цифровой экономики. // Статистика и Экономика. – 2020. – № 17(5). – С. 68–80. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2020-5-68-80>.
4. Зиятдинова, В.В. Оценка уровня экономической безопасности предприятия // Вестник ДИТИ. – 2019. – №3 (20). – С. 443–48.
5. Колочков, А.Б. Внешние и внутренние угрозы экономической безопасности предприятия // Научный журнал. – 2017. – № 5(18). – С. 67–68.
6. Мамаева Л.Н., Осипова Я.А., Хожина С.Е. Оценка уровня экономической безопасности предприятия // Экономическая безопасность и качество. – 2020. – № 1 (38). – С. 20–25.
7. Попова Е.Н., Попова Т.Н. Экономическая безопасность предприятия, угрозы экономической безопасности предпринимательства // NovaInfo.ru. – 2016. – Т.3, №54. – С.86–89.
8. Рыгаловский Д.М. Управление рисками на предприятии: методический и организационный аспекты // Современные технологии управления. – 2016. – № 12(72). – С. 20–30.
9. Khashimhodzhaev Sh.I. The impact of digital transformation on economic processes in the Republic of Uzbekistan. Collection of articles on the results of the XIV International Scientific and Practical Conference “Modern Management: Problems and Prospects”. – SPb.: Publishing house of SPbGEU, 2019–801 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ХАШИМХОДЖАЕВ Шарафутдин Ишанходжаевич – кандидат экономических наук (DSc), доцент кафедры «Цифровая экономика и информационные технологии» Ташкентского государственного экономического университета. Узбекистан. г. Ташкент, Контакты: проспект Ислама Каримова, д. 49, E-mail: sharaf_x@mail.ru, Тел.: +998 97 722 44 65.

ПИЛИПЕНКО Елена Федоровна – старший преподаватель кафедры «Цифровая экономика и информационные технологии» Ташкентского государственного экономического университета. Контакты: Узбекистан, г. Ташкент, проспект Ислама Каримова, д. 49, E-mail: elenapilipenko.1959@mail.ru, Тел.: +998 90 911 10 15

AUTHORS

XASHIMXODJAYEV Sharafutdin I. – Candidate of Economic Sciences (DSc), Associate Professor of the Department of «Digital Economy and Information Technologies» at Tashkent State University of Economics. Contacts: Islam Karimov Avenue, 49, Tashkent, Uzbekistan. E-mail sharaf_x@mail.ru Tel.: +998 97 722 44 65.

PILIPENKO Elena F. – Senior Lecturer of the Department «Digital Economy and Information Technologies» of Tashkent State University of Economics. Contacts: Islam Karimov Avenue, 49, Tashkent, Uzbekistan. E-mail sharaf_x@mail.ru. Tel.: +998 90 911 10 15.

Дата поступления статьи в редакцию: 07.04.2022 г.

УДК 341

Юлия Алексеевна Нелюбина,

Отдел международной правовой помощи и проставления апостиля
Главного управления Минюста России по Санкт-Петербургу
и Ленинградской области, Санкт-Петербург

Юрий Владимирович Мишалченко,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург

СОПРЯЖЕНИЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА И КИТАЙСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ» (МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРАВОВЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

Аннотация. На сегодняшний день содействие международному развитию является инструментом внешней политики развитых государств в целях продвижения собственных национальных интересов. Благодаря быстрому экономическому росту Китайской Народной Республики расширяется ее влияние на мировые процессы. Китай готов помогать нуждающимся и оказывает колоссальную помощь странам по линии сотрудничества «Юг-Юг». Китай играет огромную роль в продвижении данного сотрудничества, но и также критикуется не только западными державами, но и развивающимися странами. Китай активно использует инструменты «мягкой силы», т. е. расширение культурного влияния с целью создания положительного образа страны.

В данной работе анализируются международные правовые и экономические аспекты сопряжения ЕЭС и идей китайской инициативы в рамках сотрудничества.

Ключевые слова: содействие международному правовому развитию, «новый донор», ОЭСР, Белая книга, актор, «Юг-Юг», правовая помощь

Yulia A. Nelyubina,

Department of International Legal Assistance and Apostille
Main Directorate of the Ministry of Justice of Russia for St. Petersburg
and the Leningrad Region

Yury V. Mishalchenko,

Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg

INTEGRATION OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION AND THE CHINESE INITIATIVE “ONE BELT, ONE ROAD” (INTERNATIONAL LEGAL AND ECONOMIC ASPECTS)

Abstract. Today the international development assistance is an instrument of the foreign policy of developed states in order to promote their own national interests. Due to the rapid economic growth of the People's Republic of China, its influence on world processes is expanding, China is ready to help those in need and provides colossal assistance to countries through «South-South» cooperation. China plays a huge role in promoting this cooperation, but it is also criticized not only by Western powers, but also by developing countries. China actively uses the tools of “soft power”, i.e. the expansion of cultural influence in order to create a positive image of the country.

This paper analyzes the international legal and economic aspects of the interface between the EEC and the ideas of the Chinese initiative within the framework of cooperation.

Keywords: international development assistance, the «new donor», Organization for Economic Co-operation, China's White book, actor, «South-South» cooperation, assistance.

Динамика международных отношений выражается в том, что усиливается конкуренция среди государств, а точнее быстро растущие ак-

торы стараются укрепить свои позиции на политическом уровне, активно используя инструменты политики содействия международному

развитию. Собственно появление новых доноров влияет на развитие сотрудничества по линии «Юг-Юг», так как именно развивающиеся страны по данному направлению кооперации производят взаимный обмен ресурсами, технологиями, знаниями и т. д.

Проект сотрудничества по линии «Юг-Юг» был инициирован в 1978 году в Буэнос-Айресе на Конференции по техническому сотрудничеству между развивающимися странами [1], в том же году ООН утвердила отдел [2] по сотрудничеству «Юг-Юг» для развития торговли между развивающимися странами и взаимодействия между их органами.

Китай пытается быть «локомотивом» для стран по линии международного сотрудничества «Юг-Юг», предлагая им использовать свой собственный опыт развития и оказывая поддержку. Но все чаще Китайская Народная Республика сталкивается с критикой со стороны западных держав в несоответствии, предоставляемой помощи, стандартам официальной помощи развитию, принятой странами-участницами Комитета Содействия Развитию Организации Экономического Содействия Развитию (КСР ОЭСР). Китай обвиняют в гегемонии, установленной на регионах Африки, Азии и Латинской Америки.

Согласно Белой Книге, Китай стал оказывать помощь дружественным странам, таким как КНДР и Вьетнам еще с 1950-х годов [3].

Китай активно занимается финансовыми вливаниями в регионы, которые готовы обеспечить его «сырьевой подушкой». Такой взаимный характер помощи отвечает одному из 8 принципов, закрепленных в Белой Книге Китая об оказании зарубежной помощи: «Китайское правительство всегда предоставляет помощь на основе принципа равноправия и взаимовыгоды и никогда не рассматривает такую помощь в качестве одностороннего акта дарения, считая, что помощь носит взаимный характер [4]».

Согласно газете «Женьминь жибао» [5] Китай получает колоссальную поддержку со стороны развитых стран по линии «Север-Юг», что позволяет ему решать собственные проблемы с бедностью и нищетой внутри страны, а помощь странам по линии «Юг-Юг» выступает на взаимной основе среди всех развивающихся стран.

Упомянуто, что на декабрь 2019 года Китай уже предоставил помощь 170 странам и международным организациям в рамках сотрудничества «Юг-Юг» и внес большой вклад по преодолению там бедности, что отвечает выдвинутому ООН в 2015 году Целям Устойчивого Развития [6].

В первую очередь Китай предоставляет нуждающимся странам гранты и льготные низкопроцентные кредиты, по мнению Китайской стороны, такой способ в краткосрочной перспективе способен решить насущные проблемы развивающегося государства.

Но интересным остается тот факт, что для оказания помощи государствам по линии «Юг-Юг», КНР использует международные организации, банки и т. д., что усложняет мониторинг финансовых вливаний и их использования в других государствах. Китай не предоставляет официальных статистических данных, а данные по каждому региону, международной организации, банку и иных «третьих сторон» сильно разнятся, что делает невозможным комплексно исследовать и оценить помощь, исходящую из Китайской Народной Республики.

Однако, стоит заметить, что Информационным агентством Государственного Совета КНР было выпущено две Белые Книги 2011 и 2014 [7] годов соответственно, которые и составляют концептуальную основу содействия КНР международному развитию.

Политика содействия международному развитию (СМР) была инициирована Соединенными Штатами Америки в виде программы помощи нуждающимся государствам на рубеже 1940–1950-х гг. Данная программа являлась следствием серьезных политических изменений после Второй мировой войны, а также нарастающей конфронтацией в эпоху «Холодной войны» [8].

На данный момент политика содействия международному развитию является отдельной областью международного сотрудничества, координируется специально созданными Комитетом по содействию развитию (КСР) ОЭСР.

Более чем 70-летняя история ОЭСР тесно связана с созданием в 1948 году Организации европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС). Причиной создания ОЕЭС в послевоенные годы послужило восстановление экономического потенциала европейских государств,

в основе данной организации были заложены идеи плана Маршалла. Организация содействовала экономической интеграции Западной Европы, особый упор делался на создание единого рынка, устранение количественных ограничений товарооборота, валютных и тарифных барьеров [9].

К началу 60-х годов для продолжения эффективного функционирования ОЕЭС в условиях динамично развивающейся Европы Организация вынуждена была расширить свои полномочия. Большую роль в этом процессе сыграло и появление таких финансовых институтов как МВФ, Всемирный банк и Банк международных расчетов. Таким образом, к 14 декабря 1960 года в Париже была подписана Конвенция о создании Организации экономического сотрудничества и развития [10], которая вступила в силу 30 сентября 1961 года, после ратификации всеми странами-участницами.

Основной же миссией данной организации стало содействие экономическому росту стран-членов ОЭСР и повышение их вклада в глобальный рост и развитие, а также снижение бедности в странах, которые не являются участницами данной организации [11].

На сегодняшний день, членами ОЭСР является 36 экономически развитых стран [12]. ОЭСР поддерживает партнерское сотрудничество более чем с 70 странами, и такими международными организациями как: Азиатский банк развития, Европейский инвестиционный банк, Межамериканский банк развития, МОТ, Конференция ООН по торговле и развитию, Всемирный банк, ВОЗ, ВТО и международными объединениями: G20, G7, АТЭС, БРИКС и др [13]. Партнерами с 2012 года являются: Китай, Бразилия, Индия, Индонезия и Южная Африка [14].

Основными участниками политики содействия международному развитию выступают как развивающиеся и развитые страны, так и международные многосторонние организации и институты, а также неправительственные организации и благотворительные фонды. В настоящее время можно выделить еще один «водораздел» среди «традиционных доноров» и «новых доноров» [16].

К понятию «традиционный донор» относятся страны-члены ОЭСР, они не представляют из себя

монолитной группы стран, но имеют общую цель – повышение эффективности СМР.

К понятию «новый донор» можно отнести те страны, которые не являются участницами КСР ОЭСР, но оказывают помощь содействия развитию развивающимся странам.

Китай оказывает помощь по линии международного сотрудничества «Юг-Юг», уделяя особое внимание наименее развитым странам (НРС интересуют Китай с точки зрения поставщиков сырья), пытаясь интегрировать интересы китайского народа с интересами других стран. Китай выделяет для себя два основных направления помощи: в сокращении масштабов нищеты и улучшения условий жизни стран-реципиентов помощи. Западные же страны, согласно Кашину [17], выделяют средства на гуманитарную помощь, поставки продовольствия, программы по преодолению бедности и т. д.

Что касается масштаба и способов предоставления помощи зарубежным странам, то Китай, исходя из собственных реалий и в соответствии с собственными возможностями, оказывает сильную помощь и старается полноценно проявить сравнительные преимущества, чтобы помощь в максимальной степени соответствовала реальным потребностям стран-доноров.

Китай уделяет большое внимание на создание экономической инфраструктуры (развитие промышленного и добывающего сектора, транспортных магистралей, портов, социальной инфраструктуры) [18].

Отдельного внимания заслуживает китайская инициатива «Один пояс — Один путь», которая затрагивает 37 африканских государств. Программа предполагает строительство в государствах Африки портов, мостов, железных дорог, и других элементов инфраструктуры. На инфраструктурные проекты Китай выделяет кредиты и займы, которые Африка вынуждена будет либо выплатить, либо «отдать в пользование» проекты «настоящему владельцу» [19]. Подробнее ознакомиться с «географией» стран, подписавших инициативу можно в Рис. 2.

Не стоит забывать и об особых экономических зонах в Африке. Такие зоны широко используются в развивающихся странах, так как государства в таких зонах содействуют развитию промышленности за счет гибких налоговых льгот. Согласно Докладу ЮНКТАД за 2019 год, в мире насчиты-

валось около 5400 особых экономических зон, продемонстрировано на Рис. 3. Хотя результаты многих зон не оправдывают ожидания, так как такие зоны не являются гарантией увеличения притока ПИИ или участия в глобальных цепочках создания стоимости (ГЦС).

В Африке созданы китайские особые экономические зоны, они сохраняют формальную открытость для инвестиций из любых стран, но преимущество отдается именно компаниям из КНР. Китайские ОЭЗ в Африке отлично вписались в философию инициативы «Один пояс – Один путь». Начиная с 2007 года китайские ОЭЗ создавались во многих странах Африки, согласно Несмашному, в Замбии, Эфиопии, Джибути и т. д. Зависимость Африки от инвестиций Китая – заставляет африканские страны принимать условия КНР, которые сходны с колониальными механизмами [20].

Следует отметить, что в 2019 году присутствие Китая в регионах стало значительно меньшим, это связано в первую очередь с инициативой «Один пояс — Один путь» (хотя масштабы данной инициативы головокружительны, очень трудно поддаются количественной оценке, согласно данным UNOSSC, общие расходы по проекту варьируются от 1 трлн. долларов США до 8 трлн. долларов США [21].

Исходя из приведенных данных, можно сделать вывод, что присутствие Китая в регионах,

участвующих в кооперации по линии международного сотрудничества «Юг-Юг» значительно высоко, однако нестабильно. Распределение инвестиций можно назвать равнозначным среди трех регионов, но Африка все же остается наиболее приоритетной для Китая.

В заключение, можно констатировать, что сотрудничество по линии «Юг-Юг» еще далеко от идеальной кооперации нового типа, основанной на солидарности экономически менее слабых стран. Данное сотрудничество применяет практики, выработанные в существующем формате международного сотрудничества по линии «Север-Юг». Китай играет огромную роль в продвижении данного сотрудничества, но и также критикуется не только западными державами, но и развивающимися странами. Китай активно использует инструменты «мягкой силы», т. е. расширение культурного влияния с целью создания положительного образа страны.

Также расширению своего присутствия в регионах Китай «обязан» своему динамичному экономическому развитию, торговой экспансии и огромному демографическому потенциалу.

Помощь, предоставляемая Китаем, в первую очередь, нацелена на удовлетворение своих же потребностей в энергетическом секторе и распространении своей продукции на все большие рынки развивающихся стран по линии «Юг-Юг».

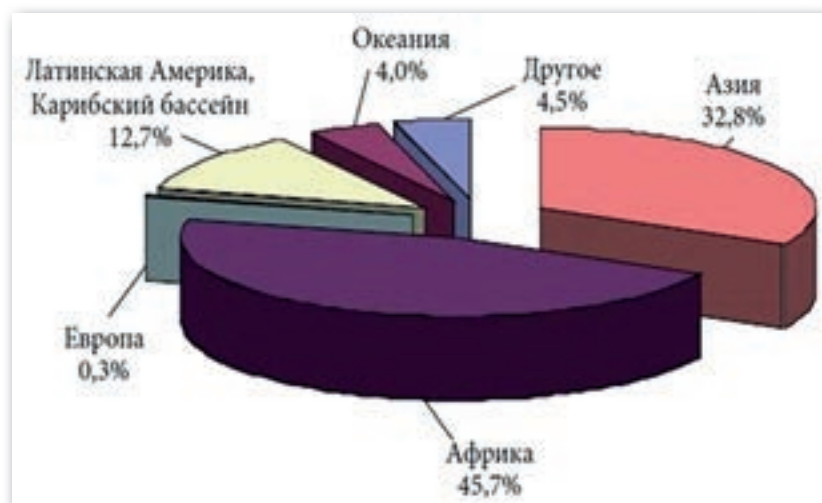

Рис. 1*

* Глазунова Л. Как Китай колонизирует Африку. Проект «Один пояс-Один путь» оставил в долгах целый континент. 14.07.2019. [Электронный ресурс] URL:<https://news.ru/world/kak-kitaj-koloniziruet-afriku/>

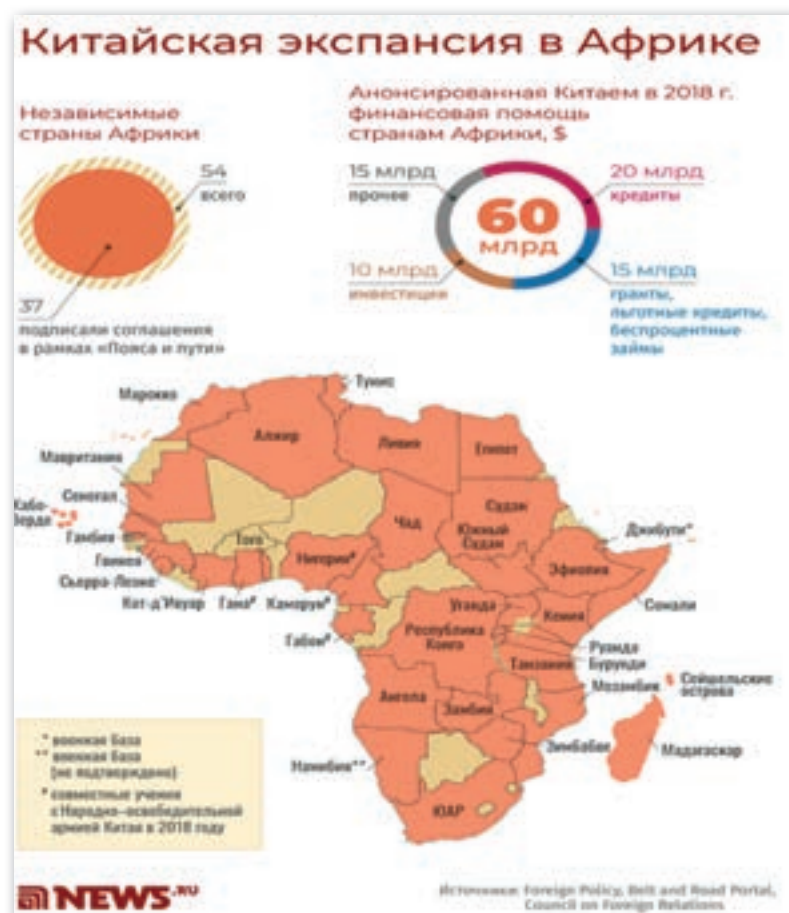

Рис. 2*

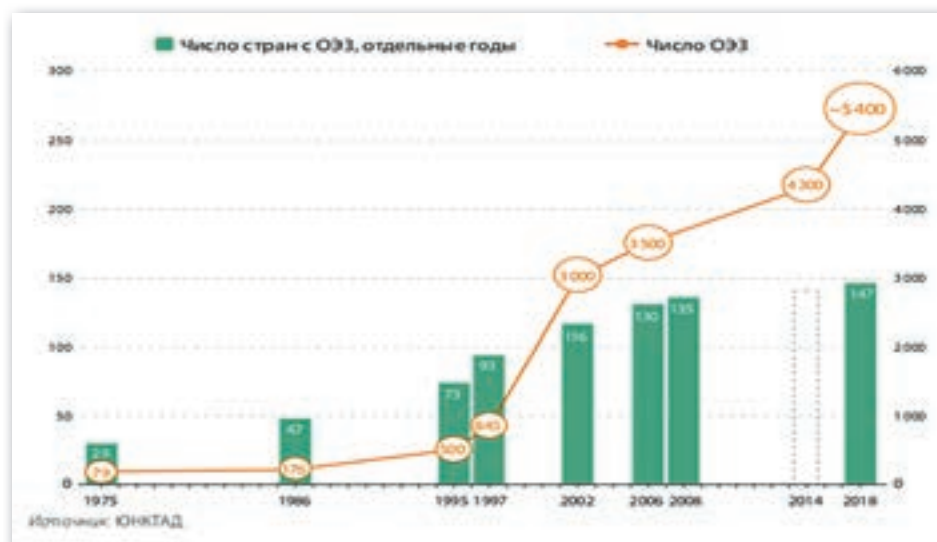

Рис. 3**

* Глазунова Л. Как Китай колонизирует Африку. Проект «Один пояс-Один путь» оставил в долгах целый континент. 14.07.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://news.ru/world/kak-kitaj-koloniziruet-afriku/>

** Долгосрочная динамика развития ОЭЗ (число стран и ОЭЗ) Источник: Доклад о мировых инвестициях 2019: особые экономические зоны: основные тезисы и обзор. - Нью-Йорк; Женева: ЮНКТАД; ООН, 2019. - 22 с.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. День сотрудничества Юг-Юг Организации Объединенных Наций: Сотрудничество Юг-Юг [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/events/southcooperationday/>
2. United Nations Office for South-South Cooperation [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unsouthsouth.org/about/about-unossc/>
3. Белая книга Китая: Помощь Китая зарубежным странам. 20.10.2011. I. Политика предоставления помощи зарубежным странам. [Электронный ресурс]. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2011-10/20/content_23676603.htm
4. Белая книга Китая: Помощь Китая зарубежным странам. 20.10.2011. Приложение 1: 8 принципов предоставления Китаем технико-экономической помощи зарубежным странам (январь 1964 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2011-10/20/content_23676603_13.htm
5. «Почему Китай, как развивающаяся страна, помогает другим государствам?», 25.11.2019. [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2019/1125/c95181-9635204.html>
6. ООН: Цели в области Устойчивого Развития: Цель 1: Повсеместная ликвидация нищеты во всех ее формах [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/poverty/>
7. China's Foreign Aid (2014). 10.07.2014. [Электронный ресурс]. URL: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2014/08/23/content_281474982986592.htm
8. Содействие международному развитию: курс лекций / под ред. В. И. Бартенева и Е. Н. Глазуновой. М., 2012., стр. 22. [Электронный ресурс]. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/912971468294636076/pdf/763150RUSSIAN00B0lectures0RUS0final.pdf>
9. «Высшая школа экономики»: Центр компетенций по взаимодействию с международными организациями. Цели, задачи, основные направления деятельности ОЭСР. [Электронный ресурс] URL: <https://globalcentre.hse.ru/tasks>
10. Конвенция «Конвенция об Организации экономического сотрудничества и развития (рус., англ.)» от 14 декабря 1960. [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902015766>
11. Цели, задачи, основные направления деятельности ОЭСР // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». [Электронный ресурс]. URL: <https://oecdcentre.hse.ru/tasks>
12. DAC members // OECD. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/dac/dacmembers.htm>
13. Российский центр компетенций и анализа стандартов ОЭСР: Об ОЭСР. [Электронный ресурс]. URL: <https://oecd-russia.org/oecd/ob-oesr.html>
14. Российский центр компетенций и анализа стандартов ОЭСР: Об ОЭСР. [Электронный ресурс]. URL: <https://oecd-russia.org/oecd/ob-oesr.html>
15. Кашин В.Б., Королев А.С., Пятачкова А.С. Китайская политика помощи зарубежным странам: основные принципы и направления // РАН: Институт Дальнего Востока Российской Академии Наук. Китай в мировой и региональной политике: история и современность. Выпуск XXII.
16. Кашин В.Б., Королев А.С., Пятачкова А.С. Китайская политика помощи зарубежным странам: основные принципы и направления // РАН: Институт Дальнего Востока Российской Академии Наук. Китай в мировой и региональной политике: история и современность. Выпуск XXII.
17. China's Foreign Aid (2014). 10.07.2014. 1. Improving Infrastructure [Электронный ресурс] URL: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2014/08/23/content_281474982986592.htm
18. Глазунова Л. Как Китай колонизирует Африку. Проект «Один пояс-Один путь» оставил в долгах целый континент. 14.07.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://news.ru/world/kak-kitaj-koloni-ziruet-afriku/>
19. Несмашный А.Д., Никитина Ю.А. Локальная гегемония: китайские СЭЗ в Маврикии и Замбии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. No 1. С. 97–114. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-97-114
20. Cooperation beyond Convention. South-South and Triangular cooperation in Changing Global Landscape. 2018. Chapter II. p. 51. [Электронный ресурс] URL: https://www.unsouthsouth.org/wp-content/uploads/2019/09/Independent-Report_webversion.pdf

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

НЕЛЮБИНА Юлия Алексеевна – главный специалист-эксперт отдела международной правовой помощи и предоставления апостиля Главного управления Минюста России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, бакалавр международных отношений. Контакты: E-mail: jnelyubina@mail.ru.

МИШАЛЬЧЕНКО Юрий Владимирович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права СПбГЭУ. Контакты: Санкт-Петербург, канал Грибоедова 32, E-mail: myv2008@mail.ru.

AUTHORS

NELYUBINA Yulia A. – Chief Specialist-Expert of the Department of International Legal Assistance and Apostille of the Main Directorate of the Ministry of Justice of Russia for St. Petersburg and the Leningrad Region, Bachelor of International Relations. Contacts: E-mail: jnelyubina@mail.ru.

MISHALCHENKO Yury V. – Doctor of law, professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of UNECON, St. Petersburg, Contacts: Griboyedov Canal 32, E-mail: myv2008@mail.ru.

Дата поступления статьи в редакцию: 05.04.2022 г.

Раздел 2. ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

УДК 343

Наталья Александровна Лопашенко,
Саратовская государственная
юридическая академия (СГЮА), Саратов

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ЭКОНОМИКИ В РОССИИ: РЕАЛИИ И ТЕНДЕНЦИИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

Аннотация: в научной работе анализируется современное положение дел в сфере уголовно-правовой охраны экономических отношений: состояние закона, криминализация и декриминализация деяний. Автор отмечает существенную значительность, если не всеобъемлющий характер, охраны экономики в России средствами уголовного закона, анализирует применяемые современным отечественным законодателем приемы криминализации и декриминализации.

В статье дается обзор правоприменительной практики в сфере уголовно-правовой охраны экономических отношений. На основе анализа статистических показателей, конкретных примеров реализации тенденций правоприменения, автор приходит к выводу о существующей со стороны государства «гиперопеке» экономических отношений, которые, во многом, более склонны к саморегулированию. В отношении пенологической практики преступлений в сфере экономической деятельности отмечается излишняя суровость санкций статей УК РФ и тенденция корректировки такого положения правоприменителем в сторону понижения градуса репрессивности.

Ключевые слова: преступления в сфере экономики, криминализация, декриминализация, пенализация, уголовно-правовая охрана экономики.

Natalia A. Lopashenko,
Saratov State Law Academy (SSLA), Saratov

CRIMINAL LAW PROTECTION OF THE ECONOMY IN RUSSIA: REALITIES AND TRENDS OF RECENT YEARS

Abstract. The scientific work analyzes the current state of affairs in the field of criminal law protection of economic relations: the state of the law, criminalization and decriminalization of acts. The author notes the significant significance, if not the comprehensive nature, of the protection of the economy in Russia by means of criminal law, analyzes the methods of criminalization and decriminalization used by modern domestic legislators.

The article provides an overview of law enforcement practice in the field of criminal law protection of economic relations. Based on the analysis of statistical indicators, concrete examples of the implementation of law enforcement trends, the author comes to the conclusion about the “overprotection” of economic relations existing on the part of the state, which, in many ways, are more prone to self-regulation. With regard to the technological practice of crimes in the sphere of economic activity, there is an excessive severity of the sanctions of the articles of the Criminal Code of the Russian Federation and the tendency of the law enforcement officer to adjust such a situation in the direction of lowering the degree of repression.

Keywords: economic crimes, criminalization, decriminalization, penalization, criminal law protection of the economy.

1. Определение границ настоящего исследования (вместо введения). Как известно, уголовное законодательство России, представленное единственным нормативно-правовым актом – Уголовным кодексом, знает специальный раздел в Особенной части – раздел III «Преступления в сфере экономики», включающий в себя три главы – преступлений против собственности, в сфере экономической деятельности и против интересов службы в коммерческих и иных организациях. Исходя из названия, можно считать (хотя и условно иногда, с учетом сути некоторых преступных деяний, предусмотренных в разделе), что именно эти преступления посягают в России на экономику в широком смысле – как систему хозяйства на микро- и макроуровнях. В то же время, конечно, не только эти. Отдельные государственные преступления (например, диверсия – ст. 281 УК, частично – разглашение государственной тайны (ст. 283 УК) или утрата документов, содержащих государственную тайну (ст. 284 УК)) – прямо, коррупционные преступления в рамках гл. 30 УК – больше косвенно, хотя иногда и прямо, преступления против порядка управления – косвенно – тоже затрагивают экономику, причиняют ей ущерб. С учетом сказанного, можно констатировать по внешним признакам, что охрана экономики в России средствами уголовного закона обширна и едва ли не всеобъемлюща. Не развивая этот тезис далее, пожалуй, соглашусь с тем, что многие бреши в охране, действительно закрыты.

Другой вопрос – насколько эффективно и нет ли избыточности даже в криминализации. Попробую ответить на него на примере только одной главы УК – главной – в охране экономической деятельности в стране, – гл. 22 УК (по понятным причинам, анализ всех тенденций по указанным уголовно-правовым нормам в рамках одной короткой статьи невозможен) и делая акценты на последние очень сложные годы – с 2020 г. (года начала всемирной пандемии) и по настоящее время.

2. Уголовно-правовая охрана экономики в России: состояние закона и криминализация – декриминализация. На сегодня гл. 22 УК,

в которой на момент принятия УК насчитывалось 32 статьи, включает в себя уже 60 статей (рост на 28 статей или на 87,5%), которыми установлена уголовная ответственность за посягательства на предпринимательские, банковские, валютные, налоговые, таможенные, финансовые, кредитные и многие другие отношения.

Таким образом, глава преступлений в сфере экономической деятельности ныне – самая большая глава в Особенной части (на втором месте по количеству статей – гл. 24 УК «Преступления против общественной безопасности», с 44-мя статьями) и одна из наиболее «любимых» законодателем – она меняется часто (иногда – очень часто); из первого «состава» статей не осталось ни одной, которую бы законодатель не поменял, да и вновь введенные статьи уже не раз подвергались коррекции (например, включенная в УК в конце октября 2009 г. ст. 185.2 «Нарушение порядка учета прав на ценные бумаги» изменена уже трижды). Не менялись ни разу – ст. ст. 200.1 (введена в 2013 г.), 200.2 (введена в 2014 г.), 172.2, 200.3 (введены в 2016 г.), 171.3, 171.4 (введены в 2017 г.), 172.3, 200.4, 200.5, 200.6 (введены в 2018 г.), 200.7 (введена в 2020 г.), 171.5 УК (введена в 2021 г.), т. е. только 12 статей (20%) из 60.

Если взять последний период – с 2020 г. по сегодняшний день, то увидим, что из 33-х принятых за это время федеральных законов, менявших УК, восемь (или 24%) касались гл. 22 УК; появилось два новых состава преступления – ст. 171.5 УК «Незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов)» (в июне 2021 г.) и ст. 200.7 УК «Подкуп арбитра (третейского судьи)» (в октябре 2020 г.).

Очевидной тенденцией изменения гл. 22 УК является криминализация, т. е. расширение сферы преступного, объявление преступлением того, что ранее преступным не было.

Хотя именно для анализируемой главы характерна и другая тенденция, проявляющаяся здесь наиболее ярко: декриминализация, т. е. сужение сферы преступного, – тенденция, обратная криминализации. Такого количества исключенных

статей – их четыре (ст. ст. 173, 182, 188, 200 УК), нет более ни в одной главе, по всему УК их всего 11 (ст. ст. 129, 130, 152, 159.4, 265, 269, 298 УК), то есть 36% исключенных из кодекса статей приходится на главу посягательств на экономическую деятельность. Правда, справедливости ради, следует сказать, что указанные по гл. 22 УК исключения часто чистой декриминализации не влекли, деяние оставалось преступным в рамках других статей УК, в том числе, и введенных сразу с исключением конкретной статьи (как по той же ст. 188 УК «Контрабанда»).

Но есть еще один вариант практикуемой законодателем декриминализации, он если и встречается для других преступлений, не экономических, то крайне редко. Заключается эта декриминализация в ограничении преступного за счет повышения минимального порога крупного размера, ущерба, дохода, задолженности, и пр., которые часто выступают криминообразующими признаками. Наглядно это видно при сравнении действующей редакции УК РФ 1996 г. и редакции кодекса от 08.12.2003 (ФЗ № 162-ФЗ) – по тем составам, которые уже были в гл. 22 УК, поскольку в самых первых редакциях УК законодатель не определял в законе (за очень небольшими исключениями) оценочные понятия, а те, что толковал, были даны в МРОТах. Для многих составов преступлений порог преступного по указанной редакции УК составляла сумма размера, ущерба и пр., превышающая 250 тыс. руб. (примечание к ст. 169 УК); ныне крупным размером, крупным ущербом, доходом либо задолженностью в крупном размере признаются стоимость, ущерб, доход либо задолженность в сумме, превышающей два миллиона двести пятьдесят тысяч рублей (примечание к ст. 170.2 УК), т. е. порог криминализации вырос в 9 раз; по составу ограничения конкуренции (здесь и далее даю современные названия статей, ст. 178 УК) рост минимального значения крупного ущерба – в 10 раз (с одного до десяти миллионов рублей); по составу уклонения от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте РФ (ст. 193 УК) крупный размер вырос в 20 раз (с 5 до 100 миллионов рублей); и т. д. Без сомнения, существенную роль в этом играют инфляционные процессы (так, величина прожиточного минимума в России на душу населения

в 2004 г. составила 2376 руб., а в 2021 г. – 11653 руб. [1], т. е. выросла в 4,9 раза), однако не настолько же, с учетом и того, что крупный размер хищений с тех пор не изменился вообще – как было свыше 250 тыс. руб., так и осталось. Да и по составам легализации (ст. ст. 174, 174.1 УК), злоупотребления при эмиссии ценных бумаг (ст. 185 УК), злостного уклонения от раскрытия или предоставления информации, определенной законодательством РФ о ценных бумагах (ст. 185.1 УК), денежное выражение крупного размера (но тут он квалифицирующий признак) стало выше значительно меньше – с одного до полутора миллионов руб. (т. е. в полтора раза).

Таким образом, сфера преступного иногда сужается отнюдь не отменой преступности деяния, а повышением минимального порога преступного деяния, криминообразующим признаком которого выступает признак, выраженный в денежной форме. Поддерживая почти любой процесс декриминализации, в связи с явно избыточной криминализацией в сфере экономической деятельности, все-таки, не удержусь от двух «ложек дегтя в бочке меда»: 1) к сожалению, любые денежные выражения ущерба, размера, задолженности и пр. абсолютно лишены не только криминологического обоснования, но и попыток объяснения этих размеров, с учетом еще и того, что разброс значений крупных ущерба, размера, дохода и пр. только в рамках одной главы необъятен (от 80 тыс. руб. в ст. 191.1 УК и 100 тыс. руб. в ч. 5 – ч. 6 ст. 171.1, ст. 171.3 УК до 50 млн руб. в ст. 178 УК и 100 млн руб. в ст. 193 УК); 2) еще более непонятен процесс повышения минимального предела криминообразующего признака в одних составах и оставление прежних выражений в других (как будто для этих составов существуют другие уровни инфляции, или они совершаются в другой стране).

3. Уголовно-правовая охрана экономики в России: состояние правоприменения. Думаю, отчасти от невнятности многих уголовно-правовых запретов в сфере экономической деятельности, отчасти – от переизбытка криминализации, отчасти – от высоких пределов криминализации, правоприменение при наличии 60 статей в гл. 22 УК, включающих 79 простых составов (считай, самостоятельных преступных деяний) и 83 квалифицированных составов к простым; всего,

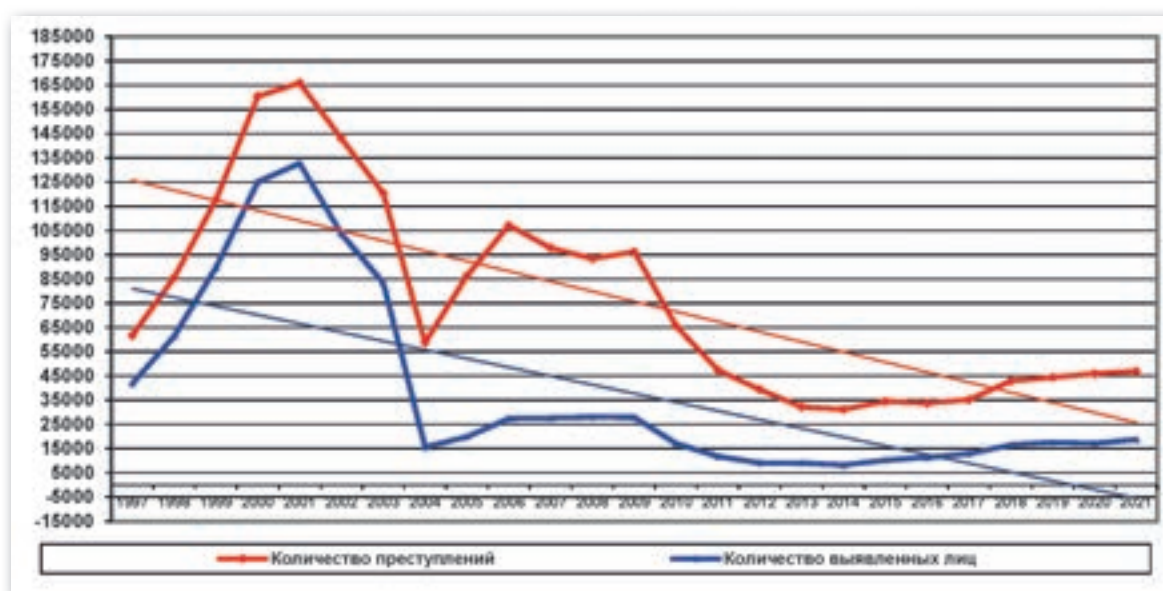

Диаграмма № 1. Динамика преступности по гл. 22 УК
«Преступления в сфере экономической деятельности»

таким образом – 162 составов, заметно «хромает» и по тенденциям кардинально отличается от тех тенденций, которые есть в правотворчестве. Посмотрим на диаграмме.

Если количество составов преступлений в гл. 22 УК постоянно растет, выросло – по статьям – практически вдвое, то преступность, напротив, при таком увеличении упала даже по сравнению с первым годом регистрации на 24,0 %, а по сравнению с пиком регистрации преступности по гл. 22 УК, который пришелся на 2001 г., – падение регистрации еще более очевидно – она сократилась на 71,7%. Между тем, за этот период – 1997–2001 г. гл. 22 УК стала больше всего на две статьи (ст. 171.1 и ст. 174.1 УК). Вопрос, который, в связи с этим, возникает: если мы постоянно включаем в главу преступлений в сфере экономической деятельности новые статьи с новыми составами преступлений, а преступность в этой сфере сокращается, какой смысл в этих новых составах? Можно ли это называть гиперопекой государства экономических отношений, которые, вообще-то, более склонны к саморегулированию? А можно спросить и иначе – нет ли здесь чрезмерного вмешательства государства в регулирование экономических отношений? Я бы ответила на эти вопросы положительно.

Если же принять во внимание количество осужденных в целом по гл. 22 УК, то получим и вовсе минимальные цифры по экономической преступности. Так, по данным Судебного департамента РФ, в 2020 г. по всем статьям главы осуждено по основной статье – 6584 (здесь и далее, соответственно: в 2019 г. – 7763; в 2018 г. – 7717; в 2017 г. – 6375) человека. Из них:

- к лишению свободы реально – 655 (896; 876; 918) человек, при этом лишение свободы на срок от 5 до 15 лет назначено 42 (70 + 1 лицу – на срок от 15 до 20 лет; 53 + 1 лицу – на срок от 15 до 20 лет, 1 лицу – на срок от 20 до 25 лет; 78 + 2 лицам – на срок от 15 до 20 лет, 1 лицу – на срок от 20 до 25 лет) лицам;
- к лишению свободы условно – 2094 (2024; 2032; 1610) лица;
- к ограничению свободы – 71 (65; 53; 74) лицо;
- к исправительным работам – 439 (558; 479; 240) лиц;
- к обязательным работам – 980 (1181; 1303; 987) лиц;
- к принудительным работам – 9 (16; 14; 18) человек;
- к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью – 3 (3; 3; 2) человека;

– к штрафу – 1831 (2394; 2365; 1881) лицо;
– условно к иным мерам наказания, не связанным с лишением свободы – 305 (325; 244; 145) человек.

Сопоставим количество привлеченных к ответственности, по данным МВД РФ, с количеством осужденных (оговариваюсь сразу, что такое сопоставление достаточно условно, поскольку лицо может быть, например, осуждено в конкретном году за деяния, совершенные годом ранее, возможна переквалификация деяния с одной статьи на другую, и т. д., но общий порядок цифр позволяет сделать в целом верный вывод, на мой взгляд), получим следующие данные (табл. 1).

Таким образом, нарастает «вилка» между количеством привлеченных к ответственности и количеством осужденных в сторону сокращения лиц, осуждаемых за преступления в сфере экономической деятельности. Она может означать, что правоприменитель далеко не всегда работает в дознании – следствии эффективно, хотя очевидно, что дела прекращаются и на этом уровне по раз-

личным причинам. Хотя вполне возможно и другое объяснение, которое мне нравится больше: правоприменитель, как раз, следуя букве закона, насколько ей можно следовать по изложенным из рук вон плохо законодательным нормам, возбуждает уголовные дела, но вынужден их прекращать, понимая дефекты нормы. Отсюда и в суд уходит гораздо меньшее количество уголовных дел, нежели возбуждалось.

И еще об одном, в связи с данными по судимости и тем наказаниям, которые назначают суды за преступления в сфере экономической деятельности – о соотношении санкций гл. 22 УК с наказаниями, назначенными за конкретные преступления. Прежде всего, подавляющее большинство санкций содержат в качестве одного (или единственного, реже) из основных наказаний лишение свободы. Из таблицы 2 видно, что таких санкций 147, т. е. только в 15 (9,3%) санкциях лишение свободы не предусмотрено.

На практике же к лишению свободы приговариваются лица совсем в другой пропорции (табл. 3).

Таблица № 1

Соотношение количества привлеченных к уголовной ответственности и осужденных по составам гл. 22 УК «Преступления в сфере экономической деятельности»

Год	2017	2018	2019	2020
Количество привлеченных	12951	16485	17537	17099
Количество осужденных	6375	7717	7763	6584
В %	49,2%	46,8%	44,3%	38,5%

Таблица № 2

Распределение основных наказаний по санкциям гл. 22 УК «Преступления в сфере экономической деятельности»

Штраф	Лишение права занимать должности...	Обязательные работы	Исправительные работы	Ограничение по военной службе	Ограничение свободы	Принудительные работы	Арест	Содержание в дисциплинарной воинской части	Лишение свободы	Пожизненное лишение свободы	Смертная казнь
127	5	23	19	0	15	115	13	0	147	0	0
78,4%	3,1%	14,2%	11,7%	0%	9,3%	71,0%	8,0%	0%	90,7%	0%	0%

**Распределение назначенных осужденным по составам гл. 22 УК
«Преступления в сфере экономической деятельности» наказаний**

Год	2017	2018	2019	2020
Количество осужденных по всей гл. 22 УК	6375	7717	7763	6584
Количество приговоренных к реальному лишению свободы	918	876	896	655
В % ко всем осужденным по гл. 22 УК	14,4%	11,4%	11,5%	9,9%
Количество приговоренных к условному лишению свободы	1610	2032	2024	2094
В % ко всем осужденным по гл. 22 УК	25,3%	26,3%	26,1%	31,8%
Количество приговоренных к наказаниям, не связанным с лишением свободы (и реально, и условно)	3347	4461	4542	3638
В % ко всем осужденным по гл. 22 УК	52,5%	57,8%	58,5%	55,3%

Таким образом, несмотря на то что среди возможных за экономические преступления наказаний превалирует с большим отрывом наказание в виде лишения свободы, суды назначают его, можно сказать, в крайнем случае, – редко, и с каждым годом все меньше.

Примем во внимание еще и то, что по исследуемым видам преступлений довольно часто применяются амнистии. Так, в настоящее время готовится очередная амнистия. Существуют, по меньшей мере два проекта, по одному из которых, разработанному экспертами Бюро по защите прав предпринимателей и инвесторов «ОПОРЫ РОССИИ», например, предлагается амнистировать субъектов по 41 статье гл. 22 УК.

Из сказанного я бы сделала два промежуточных и один главный вывод:

1. Криминализация в сфере посягательств на экономическую деятельность чрезмерна.

Она не вызывается необходимостью и корректируется правоприменением, которое не возбуждает уголовные дела по гл. 22 УК или прекращает их довольно часто.

2. Пенализация в отношении преступлений в сфере экономической деятельности слишком жестока и тоже корректируется правоприменителем в сторону ее понижения.

ГЛАВНЫЙ ВЫВОД: следует вернуться к принципу саморегулирования экономических отношений, минимальному вмешательству государства в эти процессы и установления приоритета гражданско-правовой ответственности над уголовной. Уголовная ответственность должна наступать только за деяния, связанные с насилием, уничтожением имущества, принуждением, угрозами, грубыми формами обмана (документального, прежде всего).

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

1. Величина прожиточного минимума на душу населения в России по годам (Таблица). [Электронный ресурс]: <https://infotables.ru/statistika/31-rossijskaya-federatsiya/1017-velichina-prozhitochnogo-minimuma-v-rossii> (дата обращения 11.04.2022 г.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ЛОПАШЕНКО Наталья Александровна – профессор Саратовской государственной юридической академии (СГЮА), д.ю.н., профессор, Заслуженный юрист РФ. Контакты: 410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1, корпус 5, E-mail: k_uip@ssla.ru.

AUTHOR

LOPASHENKO Natalia A. – Professor of the Saratov State Law Academy (MSLA), Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation. Contacts: 410056, Saratov, Volskaya str., 1, building 5, E-mail: k_uip@ssla.ru.

Дата поступления статьи в редакцию: 07.04.2022 г.

УДК 341.237

Елена Геннадьевна Делегеоз,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОКАЗАНИЯ ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ ТРУДОВЫМ МИГРАНТАМ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. Основные правовые вопросы трудовой миграции регулируются международными договорами ООН и ее специализированных учреждений, в том числе Международной организацией труда, а также многочисленными двусторонними договорами между государствами. В условиях пост пандемической турбулентности пребывание трудовых мигрантов в иностранном государстве сопряжено с рядом трудностей. Такая ситуация складывается и в силу недостаточной правовой грамотности самих мигрантов, и наличия правовых коллизий между внутригосударственными международными нормами права. Международные неправительственные организации в подобных ситуациях могут оказать действительную помощь трудовым мигрантам. Их деятельность направлена на совместный эффективный поиск путей и механизмов в сфере регулирования межгосударственной трудовой миграции.

Ключевые слова: трудовые мигранты, трудовая миграция, международная неправительственная организация, Организация объединенных наций, государство, международный договор, трудовые права.

Elena G. Delegeoz,
Saint Petersburg State University of Economics

SOME FEATURES OF THE PROVISION OF LEGAL ASSISTANCE TO MIGRANT WORKERS BY NON-GOVERNMENTAL ORGANIZATIONS IN MODERN CONDITIONS

Abstract. The main legal issues of labor migration are regulated by international treaties of the United Nations and its specialized agencies, including the International Labor Organization, as well as numerous bilateral treaties between states. In conditions of tandem turbulence, the stay of migrant workers in a foreign country is fraught with a number of difficulties. This situation develops due to the lack of legal literacy of migrants themselves, and the presence of legal conflicts between domestic and international norms of law. International non-governmental organizations in such situations can provide real assistance to migrant workers. Their activities are aimed at a joint effective search for ways and mechanisms in the field of regulation of interstate labor migration.

Keywords: labor migrants, labor migration, international non-governmental organization, United Nations Organization, state, international treaty, labor rights.

Текущая трудовая миграция как современный тренд являет собой динамический процесс с целью получения заработка за пределами страны гражданства. Ключевыми причинами данного процесса выступают такие негативные социально-правовые явления, как безработица, уровень развития собственно экономики государства, невысокие доходы населения в целом, в том числе и трудящихся-мигрантов.

В.М. и М.В. Лушниковы в своем монографическом исследовании поднимают проблему ответственности государств за реализацию трудового правового статуса мигрантов. Они утверждают, что «экономически развитые страны в части своей не способны или не желают принимать на себя ответственность за соблюдение трудовых прав мигрантов. Достаточно сказать, что Конвенцию ООН о защите прав трудящихся-мигрантов и чле-

нов их семей, принятую в 1990 г., с трудом ратифицировали 20 минимально необходимых государств, и она вступила в силу только с 1 июля 2003 г.» [3, с. 118–119]. Авторы приходят к обоснованному заключению о значении указанной Конвенция. В рамках данного договора государства-участники обязуются соблюдать высокий уровень защиты прав трудящихся-мигрантов, находящихся за пределами государства подданства. Однако В.В. Гошуляк и Ш.Г. Сеидов утверждают, что главный акцент государства всё же делают на первостепенную защиту национальных трудовых ресурсов [2, с. 7]. Это позиция базируется на незначительном количестве ратификаций данного договора. Тем самым только подтверждается базовая тенденция политики государств, принимающих на своей территории мигрантов (в т.ч. трудовых). В первую очередь она направлена на минимизацию рисков ответственности за возможное несоблюдение прав трудящихся-мигрантов.

Современная мировая глобализация развивается параллельно с усилением процесса миграции, в том числе и трудовой. С.Ш. Мурзабаева и А.Т. Байтурина приводят следующие объективные данные: «в 1960 году в мире насчитывалось всего 3,2 млн. мигрантов, к 2010 году их общее число выросло до 214 млн. и к 2050 году может составить 405 млн.» [6]. Постоянный рост трудовой миграции требует активного развития нормативного регулирования данного процесса на внутригосударственном и международном уровне. А.Е. Михайлов и Т.А. Иванова, исследуя международный потенциал глобализации, закономерно отмечают, что положительные и негативные проявления данного процесса, несомненно, можно преодолеть внутри отдельной страны [5, с. 54]. Однако в данном случае определено актив средств и методов государства будет ограничен не только его внутренними ресурсами, но международным политическим сценарием.

Ключевые международные договоры, в которых закреплены нормы о гарантиях прав трудовых мигрантов, включая соблюдение и защиту, принимаются ООН и МОТ.

А.О. Наумов определяет международную неправительственную организацию (МНПО) как «форму объединения представителей общности различных стран мира, связанных единой

внутренней целью, соответствующей духу и принципам Устава ООН и нормам международного права, не преследующая в своей деятельности цели извлечения прибыли и коммерческих целей, функционирующая на территории более чем двух государств» [7, с. 49].

МНПО на сегодняшнем этапе общественного развития создаются как на государственном уровне, так и на международном, в форме добровольного некоммерческого объединения. Первоочередной задачей данных организаций выступает достижение практических результатов. МНПО решают широкий круг вопросов и выполняют различные функции, в том числе просветительскую, правовую и гуманитарную в интересах трудовых мигрантов на территории государств их пребывания. Н.И. Уздимаева и Л.П. Волков раскрывают функциональный потенциал таких организаций: «они могут участвовать в доведении до сведения правительств нужд и проблем людей, осуществлять публичный контроль за деятельностью правоохранительных органов и способствовать непосредственному вовлечению общества в политическую жизнь на локальном уровне, а также, что не менее важно, принимать активную роль в решении вопросов культуры, окружающей среды и здравоохранения» [10].

Международные акты, содержащие нормы защиты прав трудовых мигрантов, устанавливают минимальные стандарты прав и обязанностей для государств-участников. Далее предполагается, что такие государства путем ратификации имплементируют данные нормы в национальное законодательство. А.П. Мовчан же утверждает (и с этим нельзя не согласиться), что тем самым будет реализован принцип добросовестного соблюдения международных обязательств как один из фундаментальных принципов международного права. При этом государства лишены возможности снизить уровень гарантий, но могут расширить их в сравнении с международным соглашением [4, с. 164].

Вопросы наделения МНПО определенным кругом прав и обязанностей с целью придания им реальных полномочий находятся в компетенции ЭКОСОС ООН. Н.И. Уздимаева раскрывает механизм наделения МНПО консультативным статусом. При этом решающее значение придается

действительной возможности конкретной организации оказать фактическую помощь в защите трудовых прав мигрантов. Наделении конкретной МНПО консультативным статусом заключается в предоставлении ей конкретных прав и прямо им корреспондирующих обязанностей. Так, Н.И. Уздимаева выделяет перечень ключевых прав, который, по мнению автора, охватывает «право присутствовать на заседаниях правозащитных органов ООН в качестве наблюдателей, право делать заявления по вопросам повестки дня (как письменные, так и устные), консультирование международных органов, контролирующих выполнение государствами международных обязательств по вопросам защиты прав человека (Комитета по правам человека, Комитета по искоренению расовой дискриминации, Комитета против пыток, Комитета по правам ребенка и др.)» [9, с. 134].

Таким образом международный договор закрепляет легитимность присутствия МНПО в ходе заседаний профильных комитетов, где обсуждаются договоры в правозащитной области, по приглашению государств-участников. Кроме того, МНПО с консультативным статусом наделяются правом созывать неофициальные с экспертами, главами делегаций государств-участников и других МНПО по вопросам обеспечения и защиты прав человека и гражданина, в том числе трудовых мигрантов.

Право на труд является определяющим в правовом статусе трудящихся-мигрантов. Посягательство на данное право влечет за собой значительные нарушения интересов мигрантов. Исследуя становление, проблемы и тенденции развития современного общества, Т.А. Прудникова типизирует основные нарушения прав, выделяя «право на оплату труда в соответствии с его количеством и качеством, право на отдых, право на охрану труда и техники безопасности, право на повышение квалификации, на материальное обеспечение в случае нетрудоспособности и др.». Современный институт трудовых прав и гарантий мигрантов с позиции международного права довольно уязвим, что провоцирует частые нарушения в этой сфере. Автор делает акцент на то, что «наиболее часто встречающимися нарушениями трудовых прав являются несвоевременная

выплата заработной платы, предоставление трудового отпуска меньшей продолжительности, чем это установлено законом, незаконное увольнение с работы, нарушение правил охраны труда и техники безопасности и др.» [8, с. 196].

Глобальные перемены на рынке труда, вызванные распространением COVID-19, затронули вопросы трудовой миграции не только в России. Закрывание границ и сокращение внешних контактов на государственном уровне способствовали резкому уменьшению количества трудовых мигрантов в стране. Однако данный процесс не вызвал ожидаемого оживления на национальном рынке труда, при этом темпы экономического развития снизились.

В допандемический период в Россию активно прибывала низкоквалифицированная рабочая сила преимущественно из восточных стран – соседей РФ. Мигранты занимали определенное количество рабочих мест, однако выполняли, в основном, малооплачиваемую работу.

Не следует преувеличивать значение трудовых мигрантов для российской экономики. Но отсутствие возможности привлекать иностранную рабочую силу увеличило затраты российских фирм и производителей. В первую очередь для привлечения работников необходимо было улучшить условия труда, в том числе повысить заработную плату. В сложившихся пандемических условиях 2019–2020 годов остро встали проблемы нормативно-правового регулирования вопросов трудовой миграции. Период эскалации пандемии COVID-19 многие предприятия, в том числе и в России, не смогли обеспечить действенных правовых мер по сохранению контингента трудовых мигрантов. Однако стабилизации ситуации по распространению новой короновирусной инфекции позволила приступить предприятиям и организациям к решению вопросов легального привлечения мигрантов к работе. Н.А. Воронина, В.А. Суворова и В.А. Волох в статье отмечают, что «до кризиса теневой рынок труда мигрантов охватывал значительную часть всего миграционного сообщества, т. е. он представляет собой мощную и разветвленную инфраструктуру, влияние которой нельзя игнорировать» [1, с. 29].

В условиях интенсивно развивающейся глобализации и интернационализации современного

мира гражданам, в том числе и трудовым мигрантам, необходимо знать и грамотно использовать для защиты своих прав процедуры, используемые международными НПО. Основная правовая проблема заключается в необходимости ориентироваться не только на внутригосударственные, но и международные нормы. Так, Пакт о гражданских и политических правах (1966 г.) закрепил индивидуальную возможность лиц обращаться с жалобой в международные неправительственные организации в случае, нарушения их прав, закрепленных в указанном Пакте. ООН в 1996 г. создала Центр по правам человека в Женеве. С целью сбора сведений о нарушении прав человека при Центре была организована круглосуточная «горячая» линия для обращения по проблеме защиты нарушенных прав. Воспользоваться данным способом связи могут не только МНПО, но и отдельные граждане (в т.ч. трудовых мигрантов).

Сегодня трудовые мигранты государственных участников соответствующих договоров обладают возможностью обратиться в ЕСПЧ с целью

защиты своих прав и законных интересов в соответствии с «Конвенцией о защите прав человека и основных свобод». МНПО как представитель заинтересованных лиц (в т.ч. и по собственной инициативе) имеет право (юридическую возможность) для обращения в ЕСПЧ в случае нарушения прав трудовых мигрантов государствами, гражданами которых они являются либо на территории которых они находятся.

Проблемы трудовой и правовой адаптации трудящихся-мигрантов, несомненно, находятся в плоскости правовых норм и принципов международного права. Сложившаяся тенденция в трудовой миграции требует значительного внимания как государств, куда въезжают мигранты, так и МНПО в сфере снижения конфликтности на национальных рынках труда. Данные проблемы возможно преодолеть путем создания действенной правовой матрицы включения трудовых мигрантов в национальные экономики. Непременным условием эффективной правовой помощи мигрантов в данном направлении будет независимое участие МНПО.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Воронина Н.А., Суворова В.А., Волох В.А. Миграционная политика в новой реальности: выход из пандемии // *Власть*. – 2020. – № 4. – С. 26–32.
2. Гошуляк В.В., Сеидов Ш.Г. Особенности конституционно-правового статуса трудящихся-мигрантов в Российской Федерации // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион*. – № 2 (22). – 2012. – С. 3–11.
3. Лушникова, М. В. Очерки теории трудового права / М. В. Лушникова, А. М. Лушников. СПб: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. 940 с.
4. Мовчан А.П. Принципы всеобщего уважения прав человека и основных свобод // *Курс международного права: в 7 т. / В.Н. Кудрявцев (гл. ред.)*. М.: Наука, 1989 г. Т. 2. Основные принципы международного права. 239с.
5. Михайлов Е.А., Иванова Т.А. О некоторых правовых аспектах глобализации // *Ученые записки юридического факультета*. Вып. 19 (29) / Под ред. А. А. Ливеровского. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, 2010. С. 53–62.
6. Мурзабаева С.Ш., Байтурина А.Т. Актуальные вопросы законодательного регулирования медицинского обеспечения трудовых мигрантов в Российской Федерации // *Евразийская интеграция: экономика,*

право, политика. – 2013. – №14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-zakonodatelnogo-regulirovaniya-meditsinskogo-obespecheniya-trudovyh-migrantov-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 03.04.2022).

7. Наумов А.О. Международные неправительственные организации и проблемы глобального управления // *Государственное управление. Электронный вестник*. – Выпуск № 39. – 2013. – С. 49–76

8. Прудникова Т.А. Защита прав и свобод трудящихся-мигрантов и ее закрепление в конституциях различных государств // *20-летие Конституции Российской Федерации. Становление, проблемы и тенденции развития: сборник статей*. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014. С. 194–199.

9. Уздимаева Н.И. Международные и российские организации в системе правовой самозащиты // *Проблемы в российском законодательстве*. – 2017. – № 6. – С. 133–138.

10. Уздимаева Н.И., Волков Л.П. Роль неправительственных организаций в механизме защиты и самозащиты прав человека в России и за рубежом // *Контентус*. – 2018. – №8 (73). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-nepravitelstvennyh-organizatsiy-v-mehanizme-zaschity-i-samozaschity-prav-cheloveka-v-rossii-i-za-rubezhom> (дата обращения: 03.04.2022).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ДЕЛЕГЕОЗ Елена Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Санкт-Петербургского государственного экономического университета. Контакты: ул. 7-я Красноармейская, д.6/8, Санкт-Петербург, Россия, 190005. E-mail: delegeozy@yandex.ru

AUTHOR

DELEGEOZ Elena G. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of St. Petersburg State University of Economics. Contacts: 7-ya Krasnoarmeyskaya str., 6/8, Saint Petersburg, Russia, 190005.

Дата поступления статьи в редакцию: 07.04.2022 г.

УДК 347.73

Наталья Александровна Кравченко,
Крымский филиал ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»

ПУБЛИЧНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НАЛОГОВЫХ ОРГАНОВ В КОНТЕКСТЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКОВ

Аннотация. В статье исследуются проблема соотношения мер публичной ответственности налоговых органов и гарантий соблюдения прав налогоплательщиков. В ходе исследования выявлено, что в научной среде, несмотря на значительное количество публикаций, не выработан однозначный подход к пониманию сущности публично-правовой ответственности, в частности в налоговом праве, что говорит об актуальности выбранного направления. Учитывая публичный характер налоговых правоотношений, возможность обжалования актов налоговых органов и действий или бездействия их должностных лиц предложено рассматривать как форму проявления публичной ответственности государства.

Ключевые слова: налоговая ответственность, публичная ответственность, защита прав налогоплательщиков, налоговые правоотношения, публичные интересы государства.

Natalia A. Kravchenko
Crimean branch of the Russian State University of Justice

PUBLIC RESPONSIBILITY OF TAX AUTHORITIES IN THE CONTEXT OF PROTECTION OF TAXPAYERS' RIGHTS

Abstract. The article examines the problem of the relationship between measures of public responsibility of tax authorities and guarantees of observance of the rights of taxpayers. The study revealed that in the scientific community, despite a significant number of publications, an unambiguous approach to understanding the essence of public liability, in particular in tax law, has not been developed, which indicates the relevance of the chosen direction. Considering the public nature of tax legal relations, it is proposed to consider the possibility of appealing against acts of tax authorities and actions or inaction of their officials as a form of manifestation of public responsibility of the state.

Keywords: tax liability, public liability, protection of the rights of taxpayers, tax legal relations, public interests of the state.

Налоговое право является важнейшей частью публично-правовой науки, а актуальные проблемы защиты законно установленных прав налогоплательщиков остаются предметом административных, судебных и научных споров. Это связано с тем, что именно от возможности обеспечить защиту прав налогоплательщиков и гарантировать им равные условия вступления в налоговые правоотношения зависит степень развитости всей налоговой системы государства. В связи с этим особенного внимания заслуживает достаточно сложный вопрос соотношения публичной ответственности налоговых органов и обеспечения юридических гарантий прав налогоплательщиков.

Если рассматривать защиту прав налогоплательщиков с точки зрения учета всей совокупности материальных, юридических и иных гарантий, и их сопоставимости с теми обязанностями и ограничениями, которые вводят законы, то этот подход можно считать общим. Если же говорить о специализированном узком подходе, то речь идет о возможностях реализации прав на свободное обращение в государственные органы для восстановления нарушенных прав в процессе реализации налоговых правоотношений, другими словами, публичные интересы государства не должны ущемлять частные интересы налогоплательщиков.

Статьей 57 Конституции Российской Федерации четко определена обязанность каждого

гражданина России платить налоги и сборы в порядке и размерах, установленных законом. Налоговые органы, защищая публичные интересы общества и государства, в праве применять меры публично-правовой ответственности, которые регламентированы нормами административного, уголовного, финансового, налогового права. Как справедливо отмечает И.А. Кузьмин: «...сфера применения публично-правовой ответственности ограничена социальными связями, в которых затрагивается общественный интерес и которые могут быть связаны с реализацией и публичных, и частных прав. Официальное закрепление положений о публично-правовой ответственности содержится в нормах публичного права и зависит от принадлежности соответствующих норм к тем или иным отраслям национального права или к международной правовой системе» [5].

В тоже время, право на нерушимость частной собственности и на защиту от противоправных посягательств гарантированы ст.35 и ст. 45 Конституции РФ соответственно. При этом конституционные гарантии распространяются на все сферы, в том числе и на налоговые правоотношения. Отсюда следует, что плательщик налога, имеет законное право на возмещение вреда его имуществу (денежным средствам), если этот вред причинен в результате неправомерного удержания налогов и сборов налоговым органом. Обратной стороной восстановления нарушенных прав налогоплательщиков, плательщиков сборов следует считать публичную ответственность налоговых органов, которая проявляется в возможности обжалования актов налоговых органов и действий или бездействия их должностных лиц.

Важно понимать, законодательно закреплено и предопределено нормами публичного права то обстоятельство, что преследование правонарушителей и возложение публичной ответственности – это прерогатива только государственных органов: законодательных и правоприменительных (Определение КС РФ от 15 января 2015 г. № 27–0). Исходя из этого можно сформулировать понятие публично-правовой ответственности – как законно установленная правовая форма государственного принуждения, применяемая к правонарушителям в установленном законом случае в течение законодательно определенного периода

времени. Как справедливо отмечает В.Р. Дзьоник, юридическая ответственность тесно связана с государством, всегда предполагает применение мер государственного принуждения и проявляется через применение мер внешнего воздействия к правонарушителю в пределах, установленных законодательством РФ [3]. Анализ судебной практики Конституционного суда позволяет сделать вывод о том, что основными проявлениями публичной ответственности выступают уголовная и административная ответственность (например, Постановление КС РФ от 23 сентября 2014 г. № 24-П). Можно ли налоговую ответственность рассматривать как проявление административной?

Следует отметить, что специфика налоговой ответственности проявляется в исключительно штрафном характере применяемых в ее рамках санкций, а характер налоговых правоотношений носит имущественный характер, поскольку исполнение налоговой обязанности предполагает добровольное отчуждение части имущества налогоплательщика в пользу государства. Отметим Постановление Конституционного Суда РФ от 15 июля 1999 г. № 11-П КС РФ, которое позволяет определить налоговые отношения, как имущественные, но реализуемые в публичных интересах, т. е. ущерб государственной казне в виду налоговых недоимок должен быть восстановлен и компенсирован, в том числе за счет применения пени и штрафных санкций. Меры принуждения в налоговом праве носят как «правовосстановительный», так и штрафной характер. Публично-правовая ответственность налоговых органов проявляется в том, что они должны гарантировать тот факт, что «...неуплата налога в срок должна быть компенсирована погашением задолженности по налоговому обязательству, полным возмещением ущерба, понесенного государством в результате несвоевременного внесения налога; поэтому к сумме собственно не внесенного в срок налога (недоимки) федеральный законодатель вправе добавить дополнительный платеж – пению как компенсацию потерь государственной казны в результате недополучения налоговых сумм в срок в случае задержки уплаты налога; что касается взыскания различного рода штрафов за нарушение налогового законодательства, то они выходят за рамки налогового обяза-

тельства как такового» (Постановление КС РФ от 08.12.2017 № 39-П).

Но нужно помнить, что наряду с обязанностями существуют и законно установленные права налогоплательщиков, которые позволяют физическим и юридическим лицам вступать в равноправные налоговые правоотношения с должностными лицами налоговых органов несмотря на то, что эти отношения носят ярко выраженный императивный характер. Данные права реализуются налогоплательщиками в порядке, установленном НК РФ (раздел VII НК РФ), когда реализуется процедура обжалования решений о привлечении к налоговой ответственности, ненормативных актов налоговых органов, а также действий и бездействий их должностных лиц; когда налогоплательщик реализует право на зачет или возврат сумм излишне уплаченных налогов и сборов в порядке, предусмотренным ст. 78 НК РФ; когда налогоплательщики реализуют право на предоставление налоговых вычетов и льгот и прочее. Важно принимать во внимание тот факт, что поскольку налоговые органы являются законно установленными публично-властными субъектами, то зачастую доказать неправоту их действия или бездействия в отношении налогоплательщиков достаточно сложно. Для этого налогоплательщикам следует знать перечень прав и юридических гарантий, на которые он может опираться, отстаивая свои нарушенные права.

Анализ научных исследований [2, 3, 4, 6] по проблемам обеспечения реализации прав налогоплательщиков позволяет выделить некоторые важные аспекты: существующие правила ведения налогового и бухгалтерского учета требуют от налогоплательщика четкого понимания их специфики, особенно в части правомерного принятия к вычету расходов в отчетном и налоговом периоде; несмотря на тот факт, что перечень мероприятий дополнительного налогового контроля четко установлен НК РФ, налогоплательщики часто сталкиваются с запросами налоговых органов о необходимости предоставления документов в рамках камеральных проверок, не имеющих прямого отношения к проверяемому периоду, а вследствие непредставления запрошенных документов – их привлекают к налоговой ответственности по ст. 126 НК РФ; перечень полномочий налоговых органов при проведении налогового

контроля не ограничивается только информацией о налогах и сборах, уплаченных налогоплательщиком, банки, как важнейший субъект налоговых правоотношений обязаны на основании мотивированного запроса предоставлять проверяющим органам информацию о движении по счету налогоплательщика, выписку по счету и т. п. (ст. 86 НК РФ).

В частности, ст. 32 НК РФ предусмотрена обязанность налоговых органов по осуществлению контроля своевременности предоставления отчетности (налоговых деклараций, расчетов и других документов, связанных с вычислением налогов и сборов), а также проверки этих документов на предмет правильности определения объектов налогообложения и исчисления налогов и сборов. При этом сравнительный анализ отдельных статей НК РФ свидетельствует о том, что перечень прав контролирующих органов (ст. 31 НК РФ), который является значительно больше, чем объем обязанностей (ст. 32 НК РФ) и ответственности их должностных лиц (ст. 35 НК РФ). С одной стороны, более четкая регламентация в НК РФ функций налоговых органов способствует лучшему пониманию и применению налогово-правовых норм на практике и является позитивным фактором; с другой стороны – результатом такой тенденции является ограничение прав налогоплательщиков и несоответствие одному из основных принципов Указа Президента Российской Федерации «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», в части создания институциональных условий для развития и становления гражданского общества.

Также необходимо отметить, что к законодательству о защите прав налогоплательщиков, кроме Конституции РФ и НК РФ, можно отнести федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», Федеральный закон «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», Приказ ФНС России от 08.07.2019 № ММВ-7-19/343@ «Об утверждении Административного регламента Федеральной налоговой службы по предоставлению государственной услуги по бесплатному информированию (в том числе, в письменной

форме) налогоплательщиков, плательщиков сборов, плательщиков страховых взносов и налоговых агентов о действующих налогах, сборах и страховых взносах, законодательстве о налогах и сборах и принятых в соответствии с ним нормативных правовых актах, порядке исчисления и уплаты налогов, сборов и страховых взносов, правах и обязанностях налогоплательщиков, плательщиков сборов, плательщиков страховых взносов и налоговых агентов, полномочиях налоговых органов и их должностных лиц, а также по приему налоговых деклараций (расчетов)» и др.

Как известно, важнейшим признаком демократического развития общества и государства в целом является не только наличие законодательно определенных возможностей защиты прав, свобод и законных интересов человека или гражданина, но и гарантированная возможность их осуществления, фактической реализации. В связи с этим выделяют несколько способов защиты плательщиком налогов своих прав, а именно: президентский, административный; судебный способ; способ прокурорского реагирования; самозащита прав [3].

Рассмотрим отдельные аспекты ст. 22 НК РФ, которая предусматривает право налогоплательщиков на судебную и административную защиту. Право на защиту в административном порядке реализуется посредством подачи жалобы (апелляционной жалобы) на решение налогового органа в вышестоящую налоговую, при чем п. 2. ст. 138 НК РФ предусматривает обязательный порядок административного обжалования. Более обобщенное определение дает коллектив авторов под руководством профессора И.А. Цинделиани: «Административный способ защиты прав налогоплательщика заключается в решении противоречий, которые возникли, в рамках системы налоговых органов без перенаправления спора в суд» [6]. Этот способ защиты прав налогоплательщиков характеризуется значительно более низкими затратами по сравнению с судебным обжалованием, требует значительно меньше времени для решения вопроса по жалобе (сроки четко ограничены ст. 139 НК РФ), а самое главное, на наш взгляд, именно административное обжалование дает возможность понять и документально подтвердить позицию налогового органа по существу. В то же время, основываясь

на анализе судебной практики [6], этот способ обжалования редко приводит к восстановлению прав налогоплательщиков и отменяет решение нижестоящего налогового органа, и налогоплательщик чаще всего после административного обжалования все же обращается в суд для восстановления нарушенных прав. Иначе говоря, основной недостаток административного способа защиты заключается в большой достоверности принятия решений не в пользу налогоплательщика.

Необходимо помнить также, что ст. 30.1 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации регламентирует возможность обжалования постановления по делу об административном правонарушении, вынесенного должностным лицом налогового органа, в вышестоящий налоговый орган, вышестоящему должностному лицу налогового органа либо в районный суд по месту рассмотрения дела. Таким образом, мы приходим к выводу что именно судебный порядок обжалования является универсальной формой защиты плательщиком налогов своих прав.

Преимущества судебного способа решения конфликтов с контролирующими органами, с точки зрения группы специалистов в отрасли налогового права [1], заключаются в: гарантии справедливого рассмотрения спора, поскольку он решается вне системы налоговых органов; так, в процентном выражении, судебных споров., решенных в пользу налогоплательщика, больше, чем административных; некоторые иски требования в пользу налогоплательщика могут быть удовлетворены в ходе рассмотрения дела; обязательность соблюдения норм процессуального законодательства при рассмотрении налоговых споров и др.

Несмотря на преимущества и недостатки каждого из способов защиты прав налогоплательщиков, нельзя выбрать какой-то наиболее универсальный, поскольку оба они гарантируют всеобъемлющую защиту субъектов налоговых правоотношений. Публичные интересы государства, охраняемые нормами налогового права и меры публично-правовой ответственности, применяемые налоговыми органами, должны гарантировать соблюдение законно установленных частных интересов налогоплательщиков. Таким

образом, реализация гарантированных конституцией прав граждан (на образование, здравоохранение, социальную и судебную защита и тому подобное) должна обеспечиваться за счет импле-

ментации сбалансированной налоговой политики государства, основанной на равных возможностях защиты своих прав наряду с удовлетворением интересов государства.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

1. Васильева Е.Г. Концепция запрета злоупотребления налогоплательщиком правом как новый правоприменительный подход // Научные труды. Российская академия юридических наук. Вып. 18. Москва: Юрист, 2018. С. 200–205.

2. Донцова А.Е. Судебная защита прав налогоплательщиков и обжалование действий налоговых органов / А.Е. Донцова, Е.А. Долматова // Бюллетень науки и практики. – 2020. – Т. 6.– №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnaya-zaschita-prav-nalogoplatelshchikov-i-obzhalovanie-deystviy-nalogovyh-organov> (дата обращения: 15.10.2021). –<https://doi.org/10.33619/10.33619/2414-2948/50>.

3. Дзьоник В.Р. Особенности юридической ответственности в правовом механизме осуществления правозащитной деятельности: вопросы теории и практики // Ученые записки юридического факультета. – 2021. – № 3. – С. 15–18.

4. Евсикова Е.В. Некоторые аспекты представительства интересов сторон в делах, возникающих из налоговых правоотношений, в рамках административного судопроизводства // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2020. – Т. 6. – № 4. – С. 252–267.

5. Кузьмин И.А. Специфика публично-правовой ответственности. Lex russica (Русский закон). – 2017. – № 6. – с. 39–50. – Режим доступа: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.127.6.039-050>.

6. Налоговое право в решениях Верховного Суда Российской Федерации: Учебное пособие / И.А. Цинделиани, Е.Г. Васильева, Л.М. Наринян [и др.]; под редакцией И.А. Цинделиани. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2020. – 760 с. – ISBN 9785392314584. – DOI 10.31085/9785392314584-2020-744.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

КРАВЧЕНКО Наталья Александровна – кандидат экономических наук, доцент кафедры административного и финансового права Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». Контакты: ул. Павленко д. 5, г. Симферополь, Республика Крым, 295000 E-mail: nataliakravchenko85@gmail.com, mailto:sharaf_x@mail.ru

AUTHORS

KRAVCHENKO Natalia A. – candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Administrative and Financial Law of the Crimean Branch of the Russian State University of Justice. Contacts: Pavlenko str., 5, Simferopol, Republic of Crimea, 295000.

Дата поступления статьи в редакцию: 07.04.2022 г.

УДК 341; 342

Андрей Борисович Новиков,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Анна Вячеславовна Маркова,
ПАО «Газпром»

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВНЕШНЕТОРГОВОГО ОБОРОТА ЭНЕРГОРЕСУРСОВ

Аннотация. Статья посвящена правовому регулированию вопросов экспорта энергоресурсов в Российской Федерации. Рассматривается текущее состояние национального и международного правового регулирования, оборота энергоресурсов во внешнеэкономической деятельности.

Сделаны выводы относительно возможного внесения поправок в действующее законодательство Российской Федерации с учетом принятия во Всемирную торговую организацию. Отдельное внимание автор уделяет необходимости пересмотра основополагающих международных актов, регулирующих отношения всех субъектов внешнеторгового энергетического сотрудничества. Отмечается несостоятельность действующих международных нормативных актов в урегулировании конфликтных ситуаций в течение последнего десятилетия.

Ключевые слова: энергетика, энергетическое право, энергетическая политика, оборот энергетических ресурсов, экспорт энергетических ресурсов.

Andrey B. Novikov,
Saint Petersburg State University of Economics
Anna V. Markova,
PJSC «Gazprom»

LEGAL REGULATION OF ENERGY RESOURCES EXTERNAL TURNOVER

Abstract. The article dwells upon the current state of an energy resources legal regulation in Russia. The current situation in national and international legal regulation, external turnover of energy resources is considered.

Conclusions are drawn regarding potential amendments to the current national legislation, taking into account the Russian Federation World Trade Organization accession.

The author emphasizes the need of the revising the fundamental international acts regulating the relations of all subjects of foreign trade energy cooperation. The conflicts settlement inconsistency of the existing international normative acts during the past decade highlighted.

Keywords: energy, energy law, energy policy, turnover of energy resources, export of energy resources.

Энергетические ресурсы ныне, как и ранее являются ключевым сектором внешнего и внутреннего экономического рынка. Развитие топливно-энергетического сектора в мировой экономике является глобальной тенденцией и задает достаточно четкий вектор развития для российской экономики и укрепления положения государства на мировой экономической и политической арене. Сегодня рассматривать Российскую Федерацию как рядового поставщика сырья не-

возможно. Страна полноценно участвует во всех сферах международной торговли, максимально включающих комплексный энергетический потенциал, начиная от самих ресурсов и заканчивая производственными, обрабатывающими мощностями.

Высокоэффективный правовой контроль отношений в области топливно-экономического комплекса (ТЭК) напрямую влияет на качественное развитие внешнеторгового оборота

государства, а также защиту его стратегических интересов и укрепление своей позиции на международной арене.

Согласно мнению доктора юридических наук Виктории Романовой, правоотношения, возникающие в сфере разработки, добычи, переработки, транспортировки, хранения, осуществления поставок энергоресурсов, а также строительства энергетических объектов и всех, связанных с ним работ, регулируются, в большинстве своем, нормами энергетического права. Туда же включается и инновационная деятельность, и деятельность, затрагивающая вопросы обеспечения безопасности энергетического и промышленного блоков, в том числе защита от террористических атак. Все эти отношения в равной степени затрагивают и внутренний и международный рынки. [19; 22]

Россия как обладатель самого большого запаса (более 25% мировых запасов) разведанных месторождений является одним из главных поставщиков энергоресурсов на зарубежный рынок. Стратегической задачей государства является удержание и упрочнение своих позиций на рынке, а также расширение своих полномочий в качестве ключевого игрока мировой системы оборота энергоресурсов. Поэтому эффективное, современное и качественное правовое обеспечение в области энергетики крайне необходимо для извлечения максимальных дивидендов от международного сотрудничества.

Конституционная основа энергетического права в Российской Федерации обеспечивается рядом положений Конституции Российской Федерации [1]:

– ст. 8, закрепляющей неделимость экономического пространства, беспрепятственное движение товаров, услуг и финансовых средств, правовые гарантии конкуренции, свободу экономической деятельности;

– ст. 71, предусматривающей нахождение федеральных энергетических систем, ядерной энергетики и пр. под контролем Российской Федерации;

– ст. 72, регламентирующей наличие совместных прав Российской Федерации и субъектов Российской Федерации на земли, недра, водные, лесные и прочие природные ресурсы. [20, с. 24]

Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) в § 6 главы 30 регулирует отношения между юридическими лицами в процессах

внешнеторгового оборота. Положения данной главы относятся к договору энергоснабжения, который является основой, регулирующей оборот энергетических ресурсов в Российской Федерации.

Следует также обозначить, что под термином «энергетические товары» законодатель рассматривает все виды энергии: нефть и нефтепродукты, газ, электрическую и тепловую энергии (ст. 548 ГК РФ). Договоры передачи данного сырья по сути своей носят природу договора поставки, иными словами – это договоры купли-продажи, которые так же регулируются ГК РФ. Ведение внешнеэкономической деятельности и иных взаимоотношений с иностранными контрагентами, регламентируются ГК РФ в положениях раздела VI Международное частное право [7]. При этом важно учитывать, что отношения в рассматриваемой сфере подвержены общим принципам соотношения международного и национального права [21].

Особое значение в соблюдении баланса торговых отношений в энергетической сфере на мировой арене имеют нормы публичного законодательства. Данные нормы предусматривают регулирование в рамках валютного и налогового [20], таможенного и экспортного законодательства. Однако, ввиду большого объема правовых аспектов, затрагивающих данный вид деятельности, создание какого-то одного унифицированного кодифицированного акта не представляется возможным [22, с. 67–69].

Объемный юридический массив, регулирующий данную отрасль, ряд ученых, в том числе доктор юридических наук В.В. Романова предлагает разделять условно на два основных сегмента [23]:

– первая категория включает федеральные законы в сфере энергетики, регламентирующие контроль за правоотношениями, возникающими в ТЭК без привязки к какой-либо конкретной отрасли энергетики, либо регулирующие сразу несколько отраслей. Среди примеров можно рассмотреть ряд таких Федеральных актов как закон «О государственной информационной системе топливно-энергетического комплекса» [16], Закон «О недрах» [4], «О континентальном шельфе Российской Федерации» [6], «О концессионных соглашениях» [14], Федеральный закон «О промышленной безопасности опасных

производственных объектов» [8]; «О безопасности топливно-энергетического комплекса [17];

– вторая группа законодательных актов, наоборот, определяется законами, осуществляющими регулирование какой-то конкретной сферы энергетики.

Назовем основные из них, регулирующие отношения на федеральном уровне: Закон «Об электроэнергетике» [11]; «Об использовании атомной энергии» [5], «О газоснабжении в Российской Федерации» [9].

Вопросы экспорта товаров, в том числе и энергоресурсов, также не представляется возможным регламентировать посредством какого-то одного кодифицированного акта. Таким образом, внешняя торговля на текущий момент регулируется нормами Федерального закона «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности». [12] Законом устанавливается юридический статус как российских, так и зарубежных участников правоотношений, предусматриваются вопросы лицензирования, осуществления прав на импорт/экспорт, таможенное регулирование и т. д. Помимо этого, вопросы экспортного контроля определены в Федеральном законе «Об экспортном контроле». [10]

В большинстве своем все экспортные операции в сфере торговли энергоресурсами осуществляются в иностранной валюте. Отчетность по финансовым операциям в валюте и соблюдение валютного законодательства регулируется положениями Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле» [13]. Правила перемещения товаров, в том числе и энергоресурсов, с целью осуществления поставок или транзита через государственные границы предусмотрены в национальном законодательстве Федеральным законом «О таможенном регулировании». [15]

Как уже говорилось ранее, потребность в эффективной правовой базе в сфере регулирования международного оборота энергоресурсов, способной оперативно адаптироваться к современным реалиям рынка – является наиболее важной задачей для Российской Федерации. Примерами соблюдения такой тенденции в Российской Федерации можно считать и разработку ряда проектов законов, среди которых проект закона «О федеральной энергетической политике» или

проект закона «О магистральном трубопроводном транспорте» и другие.

Большой вклад в развитие правового регулирования внешнеэкономической деятельности в области ТЭК внесло Распоряжение Правительства РФ от 09.06.2020 № 1523-р «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года», которая стала бесспорно качественным следствием достигнутых, в предшествующей ей Стратегии до 2030 года, результатов и учтенного опыта. [18] Положения данного документа фиксируют ключевые направления энергетической политики, в том числе модернизацию законодательства, учитывающего всю сложность взаимоотношений субъектов в сфере ТЭК на отечественном и мировом рынках.

Основу международного правового регулирования в торговле энергоресурсами составляют международные договоры (двусторонние и многосторонние), меморандумы, совместные декларации и заявления, модельные законы, протоколы и соглашения. В 1991 году в Гааге одобрена Европейская энергетическая хартия [2], положения которой обуславливают актуальную модель международного сотрудничества в сфере ТЭК. В 1994 году принимается, и в 1998 году вступает в силу Договор к Энергетической хартии [3] (далее – ДЭХ). По сути ДЭХ – в своем роде уникальное юридически обязательное многостороннее соглашение, регламентирующее отношения, возникающие на протяжении всех этапов энергетического производственно-сбытового процесса (начиная от разведки, заканчивая поступлением к конечным потребителям). Однако, как показывает опыт последних лет, ДЭХ и связанные с ним документы не предусматривает в равной степени защиту прав всех участников правоотношений, и в большей степени реализует защиту прав нетто-импортеров, нежели нетто-экспортеров энергоресурсов.

Вопрос разработки свода новых универсальных норм, охватывающих все сферы внешнеторгового взаимодействия в энергетической отрасли, с каждым днем набирает актуальность. Подразумевается, что в отличие от основывающихся на хартии положений, новый акт предусматривает положения, где все участники будут обладать равными правами, в равной степени будут учтены интересы стран нетто-импортеров и нет-

то-экспортеров, а также стран, осуществляющих транзит энергоресурсов через свои территории. Безусловно, данный акт должен быть ратифицирован всеми участниками внешнеэкономической деятельности, обладать комплексным регулированием, предполагать отсутствие любой дискриминации участников, исключать правовые коллизии с нормами остальных международных актов, регулирующих отношения в сфере энергетики, предусматривать возможность ратификации всеми сторонами.

Для эффективной интеграции такого документа в нашу правовую среду и его оперативной ратификации со стороны Российской Федерации наше законодательство также должно соответствовать важнейшим стандартам международного права. В качестве основы можно рассматривать

стандарты кодификации, предусмотренные Всемирной торговой организацией (далее – ВТО). Здесь также стоит упомянуть, что формирование правового массива Российской Федерации в области торгового оборота во многом зависит от положений и норм различных международных организаций, и национальное законодательство, и практика, в рамках торговой деятельности, в том числе и торговлей энергоресурсами, должны соответствовать правовым принципам и требованиям ВТО.

В указанной связи чрезвычайно важным является выработка стратегии правового поведения в условиях нарастающих санкций против России и попытках Запада «пилить добротный энергетический сук, на котором благополучно сидел в недавнем прошлом».

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 года (с изменениями от 01.07.2020). // [Электронный ресурс] URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Европейская энергетическая хартия от 17 декабря 1991 года // [Электронный ресурс] URL: <https://docs.cntd.ru/document/901762613>.
3. Договор к энергетической хартии от 17 декабря 1994 года // [Электронный ресурс] URL: <https://docs.cntd.ru/document/499060547>.
4. Закон РФ от 21.02.1992 № 2395–1 «О недрах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // СЗ РФ, 06.03.1995, № 10, ст. 823.
5. Федеральный закон от 21.11.1995 № 170-ФЗ «Об использовании атомной энергии» // СЗ РФ, 27.11.1995, № 48, ст. 4552.
6. Федеральный закон от 30.11.1995 № 187-ФЗ «О континентальном шельфе Российской Федерации» // СЗ РФ, 04.12.1995, № 49, ст. 4694.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // СЗ РФ, 29.01.1996, № 5, ст. 410.
8. Федеральный закон от 21.07.1997 № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» // СЗ РФ, 28.07.1997, № 30, ст. 3588.
9. Федеральный закон от 31.03.1999 № 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации» // СЗ РФ, 05.04.1999, № 14, ст. 1667.
10. Федеральный закон от 18.07.1999 № 183-ФЗ «Об экспортном контроле» // СЗ РФ, 26.07.1999, № 30, ст. 3774.
11. Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» // СЗ РФ, 31.03.2003, № 13, ст. 1177.
12. Федеральный закон от 08.12.2003 № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» // СЗ РФ, 15.12.2003, № 50, ст. 4850.
13. Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // СЗ РФ, 15.12.2003, № 50, ст. 4859.
14. Федеральный закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» // СЗ РФ, 25.07.2005, № 30 (ч. II), ст. 3126. едеральный закон от 27.11.2010 № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2021) // СЗ РФ, 29.11.2010, № 48, ст. 6252.
15. Федеральный закон от 21.07.2011 № 256-ФЗ «О безопасности топливно-энергетического комплекса» // СЗ РФ, 25.07.2011, № 30 (ч. 1), ст. 4604.
16. Федеральный закон от 03.12.2011 № 382-ФЗ «О государственной информационной системе топливно-энергетического комплекса» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) // СЗ РФ, 05.12.2011, № 49 (ч. 5), ст. 7060.
17. Энергетическая стратегия России на период до 2035 г., утв. распоряжением Правительства РФ от 09.06.2020 г. № 1523-р // СЗ РФ, 15.06.2020, № 24, ст. 3847.
18. Санкт-Петербургский государственный университет, LF Академия: Энергетическое право в России: настоящее и будущее // [Электронный

ресурс] URL: <https://spbu.ru/news-events/universitet-v-smi/energeticheskoe-pravo-v-rossii-nastoyashchee-i-budushchee>.

19. Городов О.А. Введение в энергетическое право: учебное пособие. М.: Проспект, 2012. – 224 с.

20. Новиков А.Б., Буренина А.А., Щербаковский Г.З. Налоговое администрирование и налоговый процесс // Ученые записки юридического факультета. – Вып. 24 (34)–25 (35). – 2012. – С. 127–138.

21. Новиков А.Б., Новикова В.А., Грец М.Г. Применение статьи 15 Конституции Российской

Федерации в условиях Евразийского таможенного союза: соотношение международного и национального права // Ученые записки юридического факультета. Вып. 28 (38) / Под ред. А.А. Ливеровского. – СПб: Изд-во СПбГУЭФ, 2013. – С. 49–56.

22. Угрин Т.С., Янишевская Я.А. Внешнеторговый контракт: форма, таможенные льготы // Образование. Наука. Научные кадры. – 2016. – № 1. – С. 67–69.

23. Энергетическое право. Общая часть. Особенная часть: учебник / В.В. Романова [и др.]. – Москва: Юрист, 2015. – 678 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

НОВИКОВ Андрей Борисович – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и административного права Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Контакты: ул. 7-я Красноармейская, д.6/8, Санкт-Петербург, Россия, 190005. E-mail: docanovikov@mail.ru.

МАРКОВА Анна Вячеславовна – сотрудник ПАО «Газпром», Контакты: Перекупной пер., д. 8, Санкт-Петербург, Россия, 191024, E-mail: petdmitra@mail.ru.

AUTHORS

NOVIKOV Andrey B. – doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law of St. Petersburg State University of Economics, Contacts: 7-ya Krasnoarmeyskaya str., 6/8, St. Petersburg, Russia, 190005.

MARKOVA Anna V. – employee of Gazprom PJSC, Contacts: 8 Perekupnoy Lane, St. Petersburg, Russia, 191024.

Дата поступления статьи в редакцию: 07.04.2022 г.

РАЗДЕЛ 3. ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 343

Mario Antinucci

School of specialization for legal professions at Sapienza university of Rome.

GUARANTEES FOR THE DEFENCE OF THE ACCUSED IN THE EUROPEAN FAIR TRIAL: INTERNATIONAL JUDICIAL COOPERATION

Abstract. This paper analyses the convoluted relationship between European jurisdictions, in particular the Court of Justice of the EU and the Italian Constitutional Court. After a relatively quiet period, this relationship has become strained since judgment 269/17 of the Constitutional Court. This judgment tried to put the Constitutional Court in a “monopolistic position” with regard to fundamental rights cases. It required ordinary judges to refer any question regarding violations of fundamental rights to the Constitutional Court – even where they involve EU law. Subsequent case-law softened this requirement: it clarified that ordinary judges can refer such questions also to the Court of Justice, both before and after having referred them to the Constitutional Court. The matter is, however, still not fully resolved. This paper takes as a starting point this new line of case-law to assess the relationship between the Constitutional Court and the Court of Justice with respect to fundamental rights protection. In this context, it recalls the relevant legal and structural framework set out by the Treaties, which provide priority to the Luxembourg Court. At the same time, the paper emphasizes the importance of judicial dialogue to ensure better and more comprehensive solutions to the numerous delicate questions raised in this field, and supports the view that this dialogue will continue improving in the future.

Keywords: Court of Justice – Italian Constitutional Court – Fundamental rights – Preliminary ruling – Priority of referral – Judicial dialogue.

I. Foreword. As is well known, relations between courts and tribunals in Europe, and in particular between the Court of Justice in Luxembourg and the constitutional courts, are very intense and take place mainly thanks to the dialogue that those courts can establish through the so-called preliminary ruling jurisdiction of the Court of Justice, a jurisdiction – I say this for the very few who are not yet familiar with it – which allows national courts to refer questions on the validity and interpretation of European Union law to the Court in Luxembourg, receiving a reply which is not binding only on the questioning court, but produces effects erga omnes. It is also well known that the practice of the preliminary reference has not been an entirely easy undertaking: it has not been so in general and it has not been so for Italy either, given the initial reluctance of national judges, especially the higher

courts, to request an assessment of legal rules from a judge improperly considered as “third”, and not, on the contrary, entirely within the horizon of our legal experience. Over time, however, references for preliminary rulings have become a completely normal and widespread practice for national courts, whatever their degree or the State to which they belong; a practice, it should be added, which, despite the problems that its very success has accentuated, is carried out with complete satisfaction on both sides. Many constitutional courts have also made use of them, including ours, whose example is all the more significant considering that it was the first and so far the only court that had declaredly ruled out being subject to the referral obligation, so that its change of course was greeted with particular favour, not least because of the prestige it enjoys in Europe.

II. Evolution of the matter with the adoption of the Charter of Fundamental Rights.

Recently, however, the situation has changed somewhat, mainly as a result of developments at European level in the legislation and practice on the protection of fundamental rights. As is well known, in recent years, this protection has undergone a significant evolution and also, at least on the formal-institutional level, a noticeable strengthening, because several Courts and several Charters, both European and national, all contribute to this protection, and therefore occupy areas of competence, in act or in potential, that coincide. As far as the Courts are concerned, this has led to the problem of defining the relationship between them with respect to the subject matter in question or, if you like, of assessing how it might work and what problems (but also, although little is said about it, what advantages) might arise from a system, as we say with a very successful expression today, although perhaps not entirely appropriate, of ‘multilevel’ protection of fundamental rights. This is a question which, of course, concerns the Court of Justice first and foremost, both directly and in the triangular relationship between it and the other courts which, albeit *de facto*, might find themselves concerned, simultaneously or otherwise, with a question concerning the protection of the same right: namely, the European Court of Human Rights (hereinafter also referred to as the EDU Court or Strasbourg Court) and the constitutional courts. But in addition to the potentially competent courts, the number of official texts dealing with the subject has also increased. In addition to national constitutions and constitutional traditions, there are now not only the 1950 Rome Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, but also the Charter of Fundamental Rights, proclaimed in Nice in December 2000 and formalised ten years later by the Treaty of Lisbon.

III. The recent jurisprudence of the Italian Constitutional Court.

For a certain period, to tell the truth, everything worked relatively well and the Courts showed a tendency to avoid conflicts; and in this, the Italian Constitutional Court has also made its contribution over the years [1]. But then the weight of the aforementioned difficulties in the protection of fundamental rights began to play an increasing role. This is proven in particular, to limit ourselves to Italian events, by the well-known *Taricco I* and *Taricco II* cases, made complex also by many spe-

cific features of the concrete case, but formally resolved with a “peaceful” solution, even if some traces remained. But almost at the same time as the *Taricco* affair, a new direction was initiated by the Constitutional Court, starting with the now famous ruling no. 269/2017, and partially continued, for now, with two other more recent rulings: judgments 20/2019 and 63/2019 [3]. As is well known, in the first of those judgments (269/2017) the Constitutional Court inserted – intentionally, because in reality there was no need for it – an *obiter dictum* (point 5.2 of the judgment), by which it claims a sort of monopoly on the interpretation of fundamental rights and thus requires the common courts to submit to it any doubts on questions relating to fundamental rights, even if in matters of European relevance. And this – it is said – as a result of certain “transformations” of EU law after the Treaty of Lisbon, “which, *inter alia*, has given binding legal effect to the Charter of Fundamental Rights of the European Union, proclaimed in Nice on 7 December 2000 and adapted in Strasbourg on 12 December 2007.

IV. Next: judgments nos. 20/2019 and 63/2019.

This *obiter*, as is well known, raised many questions and even lively controversy, since it seemed to signal a *revirement* in the case law of the Constitutional Court, at least as regards the protection of fundamental rights [4]. Contrary to the statement of the Constitutional Court, the Court of Justice has always held that the effectiveness of European Union law would be undermined if the existence of a compulsory application to the Constitutional Court were to prevent the national court before which a dispute governed by European Union law has been brought from exercising the power conferred on it by Article 267 TFEU to refer a dispute to the Court of Justice for a preliminary ruling. 267 TFEU, to refer questions on the interpretation or validity of European Union law to the Court of Justice in order to enable it to rule on whether a national rule is compatible with European Union law (see judgments cited above). Was the question of the Constitutional Court/Court of Justice, which had been overcome more than 40 years ago with the *Simmenthal* judgment [5] and subsequently also with the *Granital* judgment [6], reopened once again, albeit in different terms? It seemed so, judging by the initial reactions. The new orientation of the Court has indeed had the effect of creating a difficulty for national courts, which previously had a clear indication from the European

Treaties and suddenly found themselves in a situation of uncertainty. This is demonstrated by the very practice following the obiter of the Constitutional Court, which has seen the ordinary courts forced to choose between not following the indications, relying on their non-mandatory scope and in any case giving precedence to the obligation imposed by art. 267 TFEU (this is the case of the referral orders pronounced by the Court of Cassation no. 13778/2018 and 451/2019); or to comply with it, but at the same time to ask the Constitutional Court how they were to deal with the claims of EU law (see Cass. ord. no. 54/2018; 3831/2018). I must say, however, that the obiter seems to me to have been toned down by a lot in the subsequent and already mentioned judgments No. 20/2019 and 63/2019.

V. Considerations on the institutional role of the Court of Justice and the effectiveness of its judgments. This, then, is the situation at present. I must confess, however, that I do not know whether in these very hours the Constitutional Court is further refining its jurisprudence, as it did just as I was writing these notes, obliging me to do some difficult balancing. On the other hand, I cannot attempt to predict a jurisprudence that I believe is in the process of settling down. I will therefore limit myself to considering some general aspects of the problem, from the broader point of view of the relations between the Courts involved, and obviously putting myself from the point of view of European Union law. The first point I would like to make is that the Court of Justice must, in accordance with its institutional mission, ensure respect for the law in the interpretation and application of European Union law, and thus also of the Charter of Fundamental Rights, in so far as it is applicable^[8]. [8] It must therefore play the same role in this matter as it does in all other cases in which it exercises its jurisdiction, a role which, as is well known, places an extraordinary responsibility on the Court and is fundamental, indeed even qualifying, for the system of the Union. I emphasise this point, here and once and for all, because often, in the heat of the controversy about an alleged monopolistic, if not 'imperialistic', role of the Luxembourg courts, people tend to forget that the Court did not ask for that role, but that it obviously cannot, must and will not shrink from it, and this is also supported by the significant developments in the system brought about by all the successive revisions of the texts in recent years, confirming the

confidence of all the Member States in the Union's judicial institution. On the other hand, precisely because of the foregoing, where a case has been brought before the Court and where it has jurisdiction, the Court cannot, for reasons of diplomatic necessity, limit the substantive scope and formal effectiveness of its judgments.

VI. The scope of the rights enshrined in the Charter of Fundamental Rights and their definition by the Court of Justice. The role. As regards the risk of attributing to the rights enshrined in the Charter a 'universal' scope, the Court has always endeavoured to avoid that risk, despite the temptations and urgings which, especially in the first years after the Charter's entry into force, came from the national courts themselves. It has not given the Charter an unlimited scope, so to speak, but has defined its scope by reference to EU law. In accordance with Article 51(1) of the Charter, the Court of Justice has thus adhered to the principle that it is that law which delimits the scope of application of the Charter, and not the other way round, thus preventing the Charter from becoming a Trojan horse for a surreptitious extension of the powers of the Union and thus of those of the Court itself. Moreover, in this matter the Court cannot fail to show the utmost discretion in exercising its proper role. It must bear in mind that it is the national constitutional courts and the European Court of Human Rights which are in the front line here and which have their *raison d'être*, in whole or in part, in the protection of fundamental rights. However, if the Court's case law is carefully analysed, it will be seen that in this area the Court has been less assertive than in the protection of the freedoms enshrined in the Treaties, aware of the fact that, as a rule, it does not have the same exclusive jurisdiction for the protection of fundamental rights, the role of final and definitive interpreter of the relevant provisions. It has to reconcile its assessments, as provided for by the Charter itself (Art. 52), with the values, principles and constitutional traditions of the Member States and with the provisions of the ECHR, and therefore also with the assessments of the courts that ensure respect for both. Of course, among the thousands of judgments of the Court there may be some weak or unconvincing passages, but the basic direction seems clear and does not lend itself to misunderstandings.

VII. Cooperation between the Courts in defining the rights enshrined in the Charter. Having

said this in general terms and as a matter of principle, there is no doubt that the most reasonable solution would be for the Constitutional Court to ask the ordinary courts to assess, for the reasons it itself has indicated in its obiter dictum, whether to refer to the Court of Justice or to the Constitutional Court, it being understood that in any case the ordinary court has the option/obligation to refer to the Court of Justice, even if it has first opted for the Constitutional Court. This solution favours an openness to dialogue and is also more in keeping with the obligations imposed by the European Treaties and with a practice that is now more than 60 years old. It also seems to me to be more in keeping with the nature of the situations in question and the relations between the courts in Europe. In fact, in the matter under consideration, any differences between the Courts generally refer to the definition of a fundamental right and the quality of its protection, and thus to a problem of specifying the content and scope of the values protected. In other words, what is at issue here, even more than the risks of formal conflicts between rules and/or judicial institutions, are the risks of conflicts between and over principles and values. Well, since no one can consider himself, by definition, to be the repository of the ‘best values’, what matters here is not so much who has the right to say the first or last word, but rather how to say (or try to say) the ‘best’ word. And this usually implies a common effort to seek a shared definition of the values in question, or to reconcile possible disharmonies between different values, but in principle equally likely to be protected. This is all the more so because the real scope of these values, and the definition of their mutual compatibility, does not always emerge clearly from the texts. The principles proclaimed by constitutions, such as those of the ECHR and the Charter, are in fact, like almost all documents of the same nature, very generally formulated and sometimes even generic. Moreover, they cannot be said to be carved in stone, since their actual scope depends on changes and developments in the system (not only legal) of which they are part.

VIII. Systemic nature of the plurality of competent courts in matters of fundamental rights. On the other hand, I believe that the developments I mentioned earlier on the plurality of jurisdictions have not occurred by chance or without a precise design, but are the result of a conscious choice, the expression of some rationality of the system, which

has produced them as a response, not necessarily necessary but nevertheless legitimate and justified, to a specific, objective need of the system itself. Personally, I am convinced, and not as of today, that the various “pieces” of this puzzle are not there to live and operate in isolation, but that they are configured as a whole as a system, an organic and rational framework, aimed at enriching the protection of fundamental rights at several levels and to this end making use of the contributions of the plurality of jurisdictional instances and legal systems involved. This would be achieved by means of a European jurisdictional “network” that would encourage the various bodies concerned to participate more widely, more openly and more attentively in the European dimension of the issue in question, as well as by means of joint discussions and reflection on the problems, which are basically very similar, encountered by these bodies. If it is true, as is often and effectively said, that in matters of fundamental rights all the judges involved are looking at the same mountain, but from different points of view, it is also true that the common objective remains, if not to standardise the points of view, at least to approximate the methods and thus the results of observation, knowing that all have or should have the same concerns and the same objective. If this is the case, the situation described above must be analysed from this perspective, and in particular in accordance with the logic of a system which, by the very fact that it is made up of several jurisdictions, cannot but be inspired by a dynamic of cooperation and coexistence between them. And it is in this sense that the recurring reference to the need for dialogue, cooperation, collaboration, listening, etc. between the various international courts should be understood.

IX. Role of national courts and relations with the Court of Justice. It is indisputable that the Court’s open and communicative attitude, as described above, is supported by a practice and a policy that it has developed over decades of cooperation with the national courts, a cooperation that is by definition part of an integrated system and in which, therefore, in an interactive and non-hierarchical logic of mutual contributions, efforts have been made on both sides to ensure full respect for and effective application of European Union law. Both the Court of Justice and the national courts are equally involved in the pursuit of these objectives, because while the definition of the principle of law is reserved by the

Treaties to the Court of Justice, it is the national courts which, in addition to promoting the Court's intervention, must then take charge of the procedures and conditions for applying that principle, i.e. they must actually introduce it into their own legal system. And only very rarely is this a mere mechanical operation, with the national court playing the role of notary or pure executor, so to speak. Only a schematic and reductive view of the relationship between the jurisdictions in question could authorise such a conclusion and lead one to think that the relationship ends in supine acquiescence to the response of a superior or special source, to which it automatically gives way. In fact, even if it is considered that Union law, and with it the Court's judgments, prevail over national rules and decisions, the problem of the relationship between the regulatory and, above all, judicial powers at stake has not yet been resolved. On the contrary, perhaps the simplest phase of that relationship has been completed, because subsequently an active role may be required of the national court, which must transpose the principle laid down by the Court into the specific case, seeking to coordinate it with the principles of its own legal system and, where necessary, to resolve the problems that may arise from such transposition into a complex system, which has its own principles, rules and operating mechanisms.

X. Concluding remarks. By way of conclusion, I will simply say that the entire practice of the Court of Justice shows unequivocal signs of its desire to seek points of convergence between the various jurisdictions in order to ensure harmony and balance in their mutual relations, without any claim to monopoly or hierarchical priority. But a similar reaction can be seen in all or almost all the supreme courts of the Member States and in the Strasbourg Court itself, which also seem to be inspired, to a very large extent, by a practice of openness and "loyal cooperation", in order to operate in accordance with the rationality, coherence and evolution of the system. As the experience of the last few decades shows, although each is bound by an identity principle and respects the intrinsic coherence of its own legal system, they all,

or almost all, endeavour to work in the direction indicated. It is no coincidence, moreover, that in this climate a number of associative structures between the different levels and orders of courts of the Member States have been created in recent years, which, unthinkable even a short time ago, are now very useful forums for exchanging experiences and comparing common needs and difficulties, but also for frankly discussing the problems arising from their coexistence. This sort of judicial 'network' lends itself, as I have already said, to guaranteeing a broader and more robust European constitutional justice, and with it the development of a body of rights and principles, enriched by the reciprocal contributions of the systems concerned and capable of nourishing, thanks also to the contribution of doctrinal elaboration, that 'common constitutional heritage' which is called upon to form the very essence of the European identity. This process of osmosis of legal values, which clearly acts as a genuine and powerful factor for integration and undoubtedly represents one of the most tangible and important results of European integration, is favoured precisely by the peculiarity of the Union system, which has the vocation of operating also and above all within the legal structures of the Member States, thus forcing confrontation, but also coexistence and the search for maximum mutual compatibility.

Summary I. Foreword. – II. Development of the subject with the adoption of the Charter of Fundamental Rights. – III. Recent case law of the Constitutional Court: judgment No. 269/2017. – IV. Next: judgments nos. 20/2019 and 63/2019. – V. Considerations on the institutional role of the Court of Justice and the effectiveness of its judgments. – VI. The scope of the rights enshrined in the Charter of Fundamental Rights and their definition by the Court of Justice. The role – VII. Cooperation between the Courts in defining the rights enshrined in the Charter. – VIII. The systemic nature of the plurality of courts with jurisdiction in fundamental rights matters. – IX. Role of national courts and relations with the Court of Justice. – X. Concluding remarks.

AUTHOR

ANTINUCCI MARIO – Supreme court criminal lawyer, prof. of criminal procedure at the school of specialization for legal professions at Sapienza University of Rome.

Дата поступления статьи в редакцию: 7.04.2022 г.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Учёные записки юридического факультета» Санкт-Петербургского государственного экономического университета приглашает к сотрудничеству авторов научных работ – правоведов, юристов практиков, сотрудников органов государственной власти и местного самоуправления.

Присланные авторами статьи проходят обязательное рецензирование. Материалы аспирантов принимаются при наличии рекомендации научного руководителя.

Для публикации необходимо представить ответственному секретарю редакционной коллегии на электронном носителе. Правила оформления статьи размещены на официальном сайте СПбГЭУ [https:// unecon.ru/izdaniya](https://unecon.ru/izdaniya) в разделе «Журнал «Ученые записки юридического факультета»».

Редакция оставляет за собой право не рассматривать рукописи, оформленные не в соответствии с указанными требованиями.

Контактная информация:

Почтовый адрес: 190005, г. Санкт-Петербург,
7-я Красноармейская ул., д. 6/8 Телефон: 8 (812) 458–97–65,

E-mail: zapiski@unecon.ru

Научное издание

**УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА**

Выпуск 1

Подписано в печать 00.05.2022. Формат 60×84 1/8.
Усл. печ. л. 9,75. Тираж 1600 экз. Заказ 358.

Издательство СПбГЭУ. 191023, Санкт-Петербург,
наб. канала Грибоедова, д. 30-32, лит. А.

Отпечатано на полиграфической базе СПбГЭУ